Юрий Васянин

Не покинь в пути



Повесть

Юрий Васянин

Не покинь в пути

«Автор»
2026

Васянин Ю. П.

Не покинь в пути / Ю. П. Васянин — «Автор», 2026

Петр I ведет войну с могучей Швецией, в это время Булавин поднимает на Дону восстание. И хотя солнце медленно встает над Россией сквозь дым от оружия, но русскому царю удается разбить и Карла XII и казаков Булавина. Но после победы Петра I на Полтавском поле тихий Дон по-прежнему катил свою воду.

© Васянин Ю. П., 2026
© Автор, 2026

Юрий Васянин
Не покинь в пути

Ю.П. Васянин, umweltsobor@mail.ru +79126583968

НЕ ПОКИНЬ В ПУТИ

Глава 1

4 июня 1706 года, Алексей Горчаков по указанию Петра I без всякого удовольствия отправился в Бахмут. Поездка дьяка на Дон наметилась по причине того, что казаки Бахмутского городка пожаловались царю на изюмского полковника Федора Владимировича Шидловского, который согнал их с земли и причинил им многие обиды.

Полковник в свою очередь тоже донес на бахмутских казаков.

Запряженная парой отощавших гнедых коляска, уныло проскрипела в степи несмазанными осями. Возница в одиночестве трясся на передке и усиленно подгонял лошадей, но слабосильные животные с трудом тащили по дороге коляску.

- Дегтю нет, чтобы смазать оси? – вопросительно пробормотал дьяк.

Долгая дорога утомила Горчакова. Покачиваясь в коляске, он раздумывал о том, как ему изучить и доложить царю обстановку на тихом Дону, чтобы покончить с междоусобицей между донскими и изюмскими казаками за Бахмутские соляные промыслы.

Алексей предполагал, что ему вряд ли удастся что-нибудь решить, потому что в Черкасске до него уже побывал Петр Языков и переписал все земли по речке Бахмут. После его доклада царь запретил донским и слободским казакам, а также всем пришлым людям селиться на Бахмуте. Но указ царя не принес желаемого результата, поэтому Петр I, чтобы навсегда покончить со ссорами, указал отписать на него все соляные промыслы на речке. Однако и этот шаг государя не положил конец междоусобице в Бахмуте.

На большой кочке коляску тряхнуло так, что дьяк подскочил.

- Тьфу! – густо сплюнул Алексей, обозлившись на кучера. – Все кости растряс проклятый.

Рассердившись на донских казаков, Петр I распорядился передать спорные земли в управление полковнику Федору Шидловскому. Но Войско Донское не согласилось с этим и для защиты своих интересов на Бахмутских солеварнях назначило походным атаманом Кондратия Булавина, отличившегося беспримерной отвагой в Азовском походе. В жестоком сражении отважный казак одним из первых ворвался в турецкую крепость и зарубил палашом многих турок, оказавшихся на его пути.

Вступив в должность, Кондрат с пятью сотнями казаков забрал солеварни в свои руки и согнал слободских казаков с речки Бахмут. Продав государственную и слободскую соль, Булавин сам занялся варкой соли.

В ответ наказной полковник Шуст по приказу Шидловского осадил Бахмут, но этот шаг вызвал возмущение казаков Изюмского полка. Испугавшись, что Булавина поддержат соседние городки, полковник вынужден был снять осаду и ни с чем возвратиться в Изюм.

Коляска катила по пыльной дороге, которую щедро поливали солнечные лучи. Пролетел верстовой столб, в небесную высь взметнул пестрый ястреб. Изредка попадались ветхие и малолюдные хутора, заросшие крапивой и имевшие по несколько изб с просевшими крышами.

Вдохнув запахи разнотравья, Горчаков унылым взглядом оглядел сутулую спину извозчика. Несмотря на трудную дорогу, кучер продолжил хлестать кнутом по запавшим бокам рысаков. Кони прибавили рыси и коляска, сильно покачиваясь, подпрыгивала на кочковатой дороге.

Лошади все время норовили сорваться вскачь и, извозчик с трудом сдерживая их, туго натягивал плетенные вожжи. Скоро коляска въехала в богатую станицу с крепкими хатами и двинулась по запруженным народом узким улицам.

- Колесо вот-вот отлетит - надо в кузницу заехать, - развернувшись к дьяку, предупредил кучер.

Горчаков сдержано вздохнул:

- Ну надо - значит надо!

Лошади возле верстового столба свернули к отдельно стоящей на небольшом косогоре закопченной кузнице. Коляска внеслась прямо в центр просторного двора. Всюду валялись перевернутые телеги, сохи, бороны, слева раскинулась длинная коновязь. Приземистое строение дышало огнем и гарью.

Загремев массивной цепью, грохнула лаем собака и на шум из кузницы тут же вышел кузнец в кожаном фартуке и мускулистыми руками.

- Что случилось?

- Колесо отвалилось - не видишь? – Изумленно расширив глаза, дьяк грузно вывалился из коляски. – Когда управишься?

Перехватив его взгляд, кузнец подложил под ось чурку, снял колесо и сокрушенно покачал кудлатой головой:

- Работы много.

- У меня времени нет, царский указ везу.

- Раньше вечера не сделать, - угрюмо ответил кузнец.

Неловко потоптавшись, Горчаков умоляюще поглядел на него:

- Поторопись, я хорошо заплачу.

Кузнец перевернул пролетку, вытащил железную ось и принялся за дело. Он подсыпал угля в горн, потом сунул туда ось и раздул огонь мехами. Подержав ось в жарком горне, кузнец кинул ее на наковальню, а затем все время поворачивая, стал стучать молотом, как в пасхальный перезвон.

Незадолго до вечера коляска была собрана и готова. Дьяк щедро расплатился с кузнецом, и отправился в путь. Кучер время от времени сдерживал коней, чтобы коляску меньше качало. После прошедшего накануне дождя, дорога была влажной, поэтому из-под копыт коней летели влажные комья. Иногда на узкой дороге дуги задевали за ветви и тогда извозчика с дьяком щедро осыпало дождевыми каплями с листвы.

- Занес меня черт на проклятый Дон. Подгребай к Бахмутке, не могу больше: кости в штаны свалились, - устало простонал на рассвете Алексей Горчаков, злобно уставившись в сгорбленную спину ездового. – Чтоб чума взяла этих казаков!

Кони по наезженной дороге скакали мягко. Легкие ветви хлестали по бортам коляски. К речке Алексей подъехал уже в сумерках. Возница натянул вожжи, чтобы кони остановились. Перекрестившись, Горчаков размял затекшие ноги: слава Богу приехали.

- Буду через три дня. Жди здесь, - наказал Алексей кучеру. – Раньше не буду.

Мягкое журчание воды подействовало на дьяка успокаивающе.

На берегу реки Горчакова встретил небольшой дозор. Казаки подлетели к нему, подняв большое облако пыли. От утомленных лошадей поднимался белесый пар.

Горчаков поинтересовался у дозора о Булавине.

- Зачем тебе понадобился наш атаман? – с недовольством отозвался бородатый казак.

- Я прибыл по поручению царского правительства, чтобы разобраться с солеными варницами, - с вызовом ответил дьяк и подал обросшему казаку царскую грамоту.

Неожиданно перед лицом Горчакова закрутилась злобная пчела и он, нервно покривив тонкими губами, прогнал ее ладонью.

- Что за поручение? – навострил ухо казак.

- А это уж не для твоего ума дело! – вдруг рассердился Алексей.

Встревоженный казак повертел в руках бумагу, но так как не владел грамотой, тут же вернул ее дьяку и грубо махнул жилистой рукой:

- Следуй за мной.

Всю дорогу казаки бросали рассерженные взгляды на царского посланника. Им пришлось не по нраву с чем прибыл думный дьяк. Едва солнце село, Горчаков в окружении казаков вошел во двор войсковой избы. Из распахнутых окон доносились возбужденные голоса.

Оглядев его, как подозрительного человека, бородатый казак заскочил за дверь. Возвратившись, он жестом крепкой руки указал дьяку войти в избу. Натянув на голову войлочную шляпу, дьяк переступил порог со спокойной душой, но со вздрагивающими плечами. За большим столом сидел крепко сбитый казак с суровым лицом. Большие капли пота дрожали на его ресницах, как на листьях дерева.

Когда в раскрытое окно ворвался веселый птичий гам, а на полу отразились яркие солнечные лучи, Алексей с важной неторопливостью осведомился:

- Кто, вы?

Казак жилистой ладонью поправил выбившиеся из-под головного убора волосы и поднял на дьяка пристальный взгляд. Его пронизывающие насквозь глаза остановились на шляпе Горчакова, а носок изношенного сапога нервно заходил по полу.

- Кондрат Булавин. А, ты кто будешь?

И хотя дьяка охватило смятение, но он все же смог совладать с волнением. Надменно представившись, Горчаков достал пакет и протянул атаману.

Бородатый казак заботливо подставил Алексею стул, но тот не присел.

Кондрат сломал толстыми пальцами восковую печать, развернул указ государя и, поводив по бумаге глазами, строго ответил дьяку:

- Когда мы начали здесь жить, изюмских людей и в помине не было, поэтому казаки никогда не согласятся с тем, чтобы бахмутские земли отошли им. Мы не уйдем с земли, которая нас кормит и поит.

- Петр Алексеевич настроен решительно, поэтому вы должны понимать, чем это может закончиться для вас. Я бы не советовал вам перечить государю, - мягко предупредил Горчаков.

Бросив бумагу на стол, Булавин недоверчиво оглядел Горчакова и легким кивком головы дал понять, что он понял дьяка.

- Мы сами знаем, что нам делать. Отдохни пару дней в соседней избе. В сей час у меня нет времени, чтобы заниматься тобой, - не спуская пристального взгляда с дьяка, снисходительно ответил Кондрат.

Ответ Булавина привел дьяка в большое разочарование.

- Вам не стоит раздражать Петра Алексеевича своим сопротивлением, – помрачнел Горчаков. – Царь выпустил уже девять указов, его терпение не безгранично. Советую исполнить указ государя!

- Ничего не поделаешь, брат, - усмехнулся Булавин. - У нас кроме тебя полно дел.

Дьяк в неукротимой ярости отступил на шаг и состроил на лице гневный вид.

- Я доложу о вашем поведении царю.

- Проводите дьяка до места, - не обращая внимания на возмущение Горчакова, распорядился атаман и тихо шепнул казаку на ухо: - Следи за ним в оба глаза, чтобы за порог шага не ступил.

Правда атаман произнес эти слова настолько громко, что его нельзя было не услышать: у крыльца вишня громче шепталась.

Бородатый казак коротким кивком головы указал дьяку на дверь и, пропустив его вперед, пошел сзади. Поместив Горчакова под арест, Кондрат послал трех казаков в Черкасск, чтобы известить наказного атамана и старшин о появлении в Бахмуте дьяка с царским указом.

Булавин провел несколько беспокойных ночей, но Максимов не заставил долго ждать. Ответ пришел быстрее, чем Кондрат рассчитывал. Наказной атаман поручил Булавину всеми правдами и неправдами препятствовать деятельности дьяка.

Заручившись поддержкой из Черкасска, Булавин объявил дьяку:

- Возвращайтесь домой, здесь вам больше нечего делать.

- Я не могу вернуться, не исполнив царского указа, - болезненно сморщился Горчаков и, встретившись с недобрыми огнями в каменных глазах атамана, отвел глаза в сторону.

Он понял, что приготовил ему Булавин.

- Мы решили, что в этом никакой необходимости нет, - небрежно ответил атаман и отдал распоряжение вооруженным казакам: - Чтобы дьяк не заблудился на наших дорогах, проводите его за пределы Бахмута.

- Я пожалуюсь на вас царскому правительству, - с разъяренным лицом воспротивился Алексей.

– Пойми дуралей: мы же можем доложить государю, что ты здесь три дня не просыхал, - с мрачным видом предостерег Кондрат.

Булавин своей злости не скрывал, но на Алексея Горчакова его не выплеснул.

— Это мы еще посмотрим! Имейте в виду - правительство не намерено признавать казаками тех, кто пришел на Дон после 1695 года. Царь сурово спросит вас за то, что вы принимаете выходцев из русских городков и уездов, поэтому поберегите свои жирные задницы, – столкнувшись с устремленными глазами атамана, злобно пригрозил дьяк.

Как только казак заботливо прикрыл за собой дверь, оставшийся в одиночестве Кондрат мысленно усмехнулся и, с трудом сдерживая в себе спокойствие, пробормотал вслед Горчакову:

- Не бывать тому, чтобы дьяк все переписал и разорил нас.

Когда караул проводил дьяка до берега, Горчаков сел в качнувшуюся под его тяжестью коляску и разномастные кони понеслись от Бахмута. Рядом легкой рысью скакали невозмутимые казаки с осуждающими глазами. Кучер то и дело оглядывался на беспокойного дьяка и на сердитых казаков.

В утренний час с лохматых туч закапал дождь. После того как спутники Алексея Горчакова отстали, коляску настигли гром и молнии.

Не исполнив царского поручения, разгневанный дьяк прибыл в Воронеж, а войсковая старшина направила царскому правительству отписку, в которой твердо заверила, что донские казаки Горчакову никаких препятствий не чинили.

Глава 2

Поздним вечером, когда в подсвечниках догорали свечи, Петр I стоял злой и недовольный. Толстой, Долгорукий, Меншиков, Репнин, Романов, Нарышкин, Одоевский, Салтыков, Воронов и другие докладывали ему, что с порубежных городков и уездов, посадские люди и крестьяне, не желая платить денежные подати, оставляли промыслы и бежали в донские городки.

Царь был сильно разгневан: рабочих рук не хватало, помещичьи хозяйства рушились, земля не убиралась, а зерно склевывали птицы. И что было самым ужасным, люди уходили из городков, которые участвовали в строительстве кораблей и иных важных промыслах. Они бежали на Дон вместе с женами и детьми и чинили при этом воровство и убийство.

Но правда состояла в том, что простой люд шел на тихий Дон, чтобы не тянуть на своем горбу кучу дьяков, помещиков и князей. На реке они кормились, ставили избы, пускали корни и промышляли грабежами. Голытьба больше верила острой сабле, чем горькой неволе. А донские казаки этих людей из городков не высылали и держали в своих избах.

По лицу царя проскользнула серая тень и его темные брови сомкнулись, затем Петр от злости скрипнул зубами и с его раскрытых губ слетело крепкое ругательство. Князья, графы и помещики требовали от царя, чтобы он вернул им людей, иначе они не смогут исполнить перед ним свои обязательства.

Петр Алексеевич всей душой чувствовал их озабоченность. На какие деньги строить армию и флот, если казна не наполнялась от повинностей и податей? Кто будет изготавливать пушки и строить корабли, если люди ушли на Дон? Государь понимал, что нужно было исправить это положение, потому что война со Швецией угрожала существованию России. Русские должны были или погибнуть, или победить и другого государству было не дано.

Петр справедливо считал, что главной угрозой для России является Швеция, самая могущественная страна Европы. За счет успехов в предыдущих войнах Швеция заняла обширные территории Финляндии, Скандинавии, Прибалтики, Германии, Польши, а также часть земель на Балтийском побережье и Ладожском озере, которые ранее принадлежали России. Владычество шведского короля Карла XII на Балтийском море и на суше, не устраивало не только русского царя, но и соседние страны Швеции.

- Я разгромлю его, чего бы мне это ни стоило, - проговорил одними губами царь и, согнувшись пополам, ударил кулаком по столу так, что подскочили чашки.

И тут Петр Алексеевич вспомнил, что когда в 1699 году тучи сгустились над северной Европой, то Россия, Речь Посполитая, Саксония и Дания заключили Северный союз против Карла XII, думая, что быстро разобьют молодого шведского короля. Но они не учли, что сыну от отца досталось сильное государство и могучее войско.

Явился вызванный государем Алексей Горчаков.

- Садись, писать будешь! – указал Петр I с видом умиротворенного человека и, не выходя из воспоминаний, вгляделся в икону Казанской Божией Матери, озаренной яркой лампадой.

Воспоминания царю нужны были, чтобы исключить ошибки в будущем и разобраться, что нужно для этого еще сделать. Петр Алексеевич хорошо понимал, что проигранная война дорого обойдется России.

Государь даже не заметил, что фитиль у одной из свечей в расплавленном воске потух.

- Свечу бы зажечь, - попросил Алексей и царь зажег ее от другой свечи.

Горчаков застрочил пером, а царь полностью ушел мыслями в прошлые годы. В его голове сами собой рождались мысли и их нелегко было прогнать. В сознании Петра I проскользнуло много запоминающихся мгновений. Его мысли пронеслись вспугнутой птицей и остановились на осени 1700 года…

Царю трудно было подавить в себе желание не вспомнить проигранную битву под Нарвой. Этот поход навсегда остался в памяти Петра I. Все пережитое под Нарвой встало перед ним с прежней ясностью. Тогда с собой пришлось взять из тыла все. Фуры везли: хлеб, бочонки, ящики и кули. Но поход русскими полководцами был организован так плохо, что не хватало ни лошадей, ни подвод, ни продовольствия с припасами.

В сентябре сорокатысячное русское войско с легкими пушками по большой дороге направилось к Нарве. В пути войско часто одолевали холодные дожди. Казалось, что природа назло разгулялась не на шутку. Из-за дождей дороги пришли в полную негодность. Ездовые неистовствовали, но лошади с трудом тянули тяжелые фуры. Нелегко приходилось и царским солдатам, которым все время приходилось вытаскивать из вязкой глины то пушки, то фуры, то собственную обувь.

Русские полки шли днем и ночью, оставляя за собой потухшие костры. Войско двигалось, растянувшись на сто верст, неповоротливые фуры заполнили всю дорогу, но преодолеть трудные версты оказалось не так просто.

23 сентября, едва на небе обозначился просвет, русская армия свернула с ямгородской дороги, подошла к Ивангороду и направилась к острову Кампергольм, чтобы переправиться через реку к Нарве.

Осада началась в октябре, когда над крепостью вовсю властвовал холодный ветер. Он налетал с ожесточенным шумом на Нарву и бешено вращал жестяные флюгеры на башнях. Иногда ветер приносил черные тучи и начинался изматывающий душу дождь. И хотя потом светило солнце, но оно уже не давало никакого тепла.

По плану Головин должен был уничтожить передовые редуты, пробить брешь в крепостных стенах и, преодолев ров, приступить к штурму Нарвы. Но обстрел из легких пушек ничего не дал. Ядра отскакивали от крепости, как орех. Не было пробито в стене ни одной значимой бреши. Нарва осталась неприступной, хотя над бастионами постоянно висело облако пыли.

Как только припасы закончились и бесполезный обстрел прекратился, Петр озабоченно всмотрелся вдаль, прихваченную зыбким холодом. И хотя солнечные лучи били прямо в глаза, но впереди угадывались очертания древней Нарвы. Придирчиво осмотрев крепость, царь с рассерженным видом обошел длинную линию войск и заметил, что работа не доведена до конца. В тяжелых шагах и в манере говорить почувствовалось крайнее недовольство Петра. Его быстрые передвижения вдоль линии фронта были пронизаны злой энергией.

Вскоре положение русских войск под Нарвой резко осложнилось. Ситуация складывалась намного хуже, чем под Азовом. Продовольствия и фуража оставалось на несколько дней, поэтому солдаты и кони заметно потеряли в весе. От сырости и ночного холода негде было укрыться, каждый день войско хоронило офицеров, солдат, лошадей и пригнанный скот.

Государь стал таким злым, что генералы боялись встретиться с его взглядом. Иногда дело доходило до резких разговоров. 18 ноября Петр I с Меншиковым отправился в Новгород, чтобы подготовить город к обороне, а заодно за подкреплением и припасами.

За царя остался герцог де Кроа, но в отсутствие Петра шведы неожиданно разгромили русских. Потери составили не менее 8000 человек, в том числе 10 генералов и 50 офицеров. 7000 русских воинов оказались в плену, немалое число пропало без вести. Кроме того, противнику достались 184 пушки, 20000 мушкетов, 32000 рублей царской казны и 210 знамен.

Тихим и ясным утром двадцати трехтысячное деморализованное русское войско, ломая сугробы, под распущенными знаменами направилось к Новгороду. По переметенным метелью дорогам, заскрипели телеги. Вырвавшаяся на просторы толпа была молчалива и равнодушна ко всему. На отдыхе поникшие солдаты разводили костры, чтобы согреться, поесть и растопить снег…

Государя ошеломил разгром русских войск под Нарвой, но проигранная битва не сломила его. Однако тяжелая неудача давила на душу и стала крушением всех замыслов. Это было огромным ударом для всего государства.

За поражение Петру пришлось расплачиваться беспокойством и тревогой. В те дни царь ощутил на своих плечах огромную тяжесть забот. Но он не потерял твердость духа, его глаза смотрели на проигранное сражение строго. Государь всем сердцем почувствовал потребность в том, чтобы разобраться в причинах поражения. Ему хотелось понять размеры трагедии, свалившейся на его голову и принять меры, чтобы не допустить окончательного разгрома России.

- Раненых всех подобрали? – спросил Петр, встретив повозки с ранеными.

- Нет, ваше величество, - отрицательно покачал головой Голицын.

На посеревшем лице царя возникли жестокие раздумья, а во взгляде тусклым светом загорелась не развеянная досада.

- Не годится, - резко ответил государь и, не коснувшись стремени, взлетел в седло.

Шереметев, чтобы отвлечь Петра от тягостных мыслей, успокоил:

- Все исправим, государь!

- Постарайтесь довезти солдат живыми, - указал царь и поскакал, не разбирая дороги, а потом вдруг соскочил с коня и припал всей грудью к земле.

Петр бил по снегу кулаками, рычал зверем и никого не хотел впускать в свою душу. Ясность поражения охватила его сердце с удвоенной силой. Царь стонал, как от непереносимой боли. Петр готов был орать от бешенства и злости. Угроза с Запада вселила в его душу тяжелый осадок. Сей час для царя был тяжелым испытанием.

Вокруг царя молчаливо грудилась свита. Все торжественно молчали, глядя на царя строгими глазами. От его состояния офицеры почувствовали себя неудобно. Только один Меншиков сохранил спокойствие. Среди всеобщего уныния безутешный царь начал молиться.

Неожиданно в кустах взбрыкнул и призывно заржал конь. Петр поднялся, отряхнул кафтан и не оборачиваясь, зашагал к рысаку. Вскочив на жеребца, царь поправил на бедре шпагу и с грустным выражением глаз вернулся к войску.

Петр понимал, что должен мобилизовать все силы, чтобы разбить грозного врага, потому что жизнь государства была его жизнью. Судьба русской земли сильно волновала его, перед этим отступало и меркло все остальное.

Вскоре государь ощутил прилив сил и бодрости, поэтому понемногу он начал приходить в себя. Мягкое лицо Петра сделалось жестким, а в выражении глаз заиграло твердое спокойствие.

- Первым делом нужно привести в порядок свои войска, - поразмыслив, сказал царь. — Это важное дело я поручаю князю Аниките Репнину и ему же указываю быть губернатором Новгорода, чтобы организовать там оборону. Для укрепления Пскова отправится Борис Шереметев.

Петр произнес эти слова вместе с жестами правой руки, чтобы придать им серьезное значение.

- Мы оправдаем твое доверие, государь! И никогда больше не огорчим тебя горькими вестями, - воскликнули поочередно Репнин с Шереметевым и покорно согнули головы.

Из уст Петра генералам прозвучали напутственные слова перед суровыми испытаниями и святой ответственностью всех перед государством. После речи царя офицеры остро осознали: то что было до сих пор – ничто, и что им предстояло сделать все возможное, не жалея своих сил.

Когда суровые глаза государя засветились всесильной властью, окружение поняло, почему растерянность на его лице сменилась на решительное выражение. Царь снова вернулся в роль полководца и ему пришло в голову много хороших идей.

- Я приму все меры, чтобы государство начало работать на войну. Шведы набросятся на нас, если мы не возродим войско, - с горечью в голосе сказал Петр I, чтобы подбодрить своих офицеров. – Они побьют нас еще не раз и в конце концов научат побеждать. Но нам негоже при великом несчастье упасть духом и лишиться всего!

Царь говорил с тревогой об опасности, в котором оказалось государство. Его голос звучал с таким чувством, что все примолкли. Это были слова человека, который хорошо понимал угрозу, исходящую от врага.

Полностью разделяя мысли царя, Алексашка с теплой ноткой в голосе сказал:

- Не печалься государь! Жизнь положим за тебя!

- Мы должны рассчитывать только на свои силы. Пускай каждый знает, что пропустить шведов к Москве нельзя! Это сильный враг и одолеть нам его будет нелегко. Следующий проигранный бой грозит нам поражением, - предупредил Петр.

Разобравшись с катастрофой под Нарвой, государь возложил всю ответственность на герцога де Кроа и главный штаб, не принявших правильных решений. В этот час государь твердо решил, что для победы над шведами не пожалеет никаких сил. И в то же время будет сберегать их для важных сражений в будущем.

Петр полностью разделил тревогу за судьбу государства. Потеря Нарвы только раззадорила его и стала полезным уроком. Царь горел желанием немедленных действий. После раз-

грома русской армии Петр разобрал все причины поражения, ошибки и направил усилия на создание современной армии и флота, чтобы они были не хуже, чем у Швеции. Он не жалел для этого никаких ресурсов, но сейчас армия Петра не имела даже собственных офицеров. Войсками командовали в основном саксонские офицеры.

Со свойственной неутомимостью Петр бросился решать важные вопросы. В его душе горела надежда, что он сумеет преодолеть возникшие перед государством трудности. Это был сосредоточенный и ответственный человек. Он всегда мог в трудных ситуациях находить правильные решения. Каждый смысл его действий был ясен и понятен. Петр готов был собственной грудью закрыть Россию.

После сражения под Нарвой Карл XII получил прозвище шведский Александр Македонский, а в Европе надолго сложилось мнение, что Россия оказалась слабой. Ожидания Петра I, что Карл XII пойдет на Москву, не оправдались. Король посчитал, что русская армия сейчас ослабла и что он в любое время может ее добить. Вместо Москвы Карл XII направился в Речь Посполитую, чтобы расправиться с Августом…

Петр без труда восстанавливал в памяти прошлые годы. Его настигли воспоминания неподвластные разуму, они вспышками вставали перед его глазами. Увлеченный мыслями он забыл про все на свете. От набежавших воспоминаний Петр даже прикрыл глаза, чтобы скрыть непереносимую тоску.

- Я приду к заветной цели, - будто отвечая на свои мысли, сказал себе Петр. - Ничего не пожалею, чтобы шведы были биты.

Эти думы им овладели настолько, что он ни на секунду не сомневался в их решении. Петр на минуту остановился, как бы припоминая все неурядицы и глядя вперед сердитыми глазами, продолжил вспоминать прошедшее время.

Царь выхватывал из всеобщего хаоса только самые важные мысли. Теснящиеся в его голове думы, раскрывали тайну поражения. Петр радовался воспоминаниям, которые на него нахлынули. Надо было вспомнить все и не упустить ни одной мелкой детали. Необходимо было во всем разобраться, чтобы уберечь себя от неожиданностей в будущем. Государь размышлял и анализировал все ошибки…

Разгром русской армии произвел на него впечатление грома, неожиданно грянувшего среди ясного неба. Но давящая тяжесть со временем отлегла от сердца и появилась твердая уверенность в своих силах. Надежда на победу помимо его воли жила в нем и пронизывала всю душу. Царь верил, что если сильно хотеть, то желания часто становятся реальностью. Петр всей душой мечтал увидеть русский север и запад свободными от шведского нашествия.

Ошибка шведского короля дала Петру время, чтобы подготовить русскую армию к новым сражениям. Засучив рукава, государь взялся за военное дело, понимая, что государство обязано было устоять, во что бы то ни стало. Царь с головой ушел в деловую атмосферу. Но прежде всего следовало разобраться в обстановке, а она была поистине сложной. Ему даже не на что и не на кого было опереться.

Однако Петр Алексеевич был упрямым в своих решениях. Загоревшись жарким желанием, он стал работать с небывалым напряжением. Царь думал, рассчитывал и прикидывал, как сделать лучше и свита поняла, что его заразило дело. В эти минуты окружение неохотно обращалось к нему, потому что видели, что ему было не до разговоров. А для него ничего другого и не могло быть в обстановке борьбы с врагом. В эти недели в русском государстве все укреплялось во имя победы. Но, укладываясь спать государь был недоволен тем, что было сделано за день, хотя с утра до вечера занимался работой.

Всю зиму Петр метался между Москвой, Новгородом и Воронежем, чтобы обеспечить армию всем необходимым, и чтобы она была способна сражаться против шведов. Но военное искусство требовало талантливых солдат и офицеров, а с этим было труднее всего. Потому что на то, чтобы их обучить нужно много времени, а его не было. Поэтому старые генералы, стрях-

нув пыль с мундиров, приступили к интенсивному обучению войск. От восхода и до заката солнца в военных лагерях звучали барабаны и трубы, а на поле беспрерывно шли солдатские учения.

Кроме того, по указу царя начался рекрутский набор: по одному пешему с пятидесяти дворов и по одному конному со ста дворов. Вместе с этим Петр напомнил русскому народу об указе от 1697 года, по которому семьи добровольцев освобождались от крепостного права.

С больших трудностей начался новый век для России. Но государю удалось одолеть косность бояр и безразличие разных чинов, чтобы перестроить государственную машину на европейский лад. Он всегда находился там, где было труднее всего. Царь нисколько не сомневался в том, что предпринятые им решения принесут успех. Однако Петр понимал, что этот путь не будет простым, но всё можно поправить кроме непоправимого. Россия медленно и уверенно становилась сильной. Скоро царь стал смотреть на будущее России в более радостных тонах…

В эту минуту с улицы донеслись звуки конских копыт, неторопливые шаги часового и мелодичный колокольный звон. Царь недовольный тем, что его мысли прервались, сердито поморщился.

Сопоставление почему тот бой был проигран, а этот выигран сильно помогало государю разобраться в причинах поражения или победы. Потому что успех складывался из правильных действий командиров. От этого зависело будут ли в будущем победы. Государь все еще погруженный в воспоминания мягко поджал губы.

Перебирая в памяти разбитые вдребезги мечты, Петр сгорбился от неприятных воспоминаний. Царю было мучительно вспоминать о проигранных сражениях. Под влиянием нахлынувших мыслей, в его сердце вспыхнула на время притихшая боль. Давно он столь остро не переживал прошлое и настоящее, слившееся в одно неразделимое впечатление. Но царь еще не один раз вспомнит тяжелое прошлое.

Прислушавшись к собственным воспоминаниям, Петр постоял с минуту не двигаясь, пока его мысли носились далеко. Перелистывая страницы жизни, царь с трудом отошел от прошлого. Но он понимал, что в сей час все мечты о мирном времени будут преждевременными. И сегодня, и завтра его ждали большие сражения за Россию.

Государь заученным движением перекрестился и, сотворив с надеждой в душе короткую молитву, вернулся мыслями в мирскую суету.

- Все дописал, Алексей? – спросил Петр, всмотревшись в его лицо.

- Да, ваше величество! – смиренно ответил Горчаков.

- Оставь книгу раскрытой и ступай, - прошептал государь.

В сумраке лицо царя выглядело особенно суровым. В эту минуту его озаботило настоящее время: кого направить на Дон - Долгорукова? Пожалуй, лучшей кандидатуры ему не найти. Пускай Юрий Владимирович для сыска беглецов незамедлительно отправится на Дон. Пусть князь перепишет всех беглецов в казачьих городках и вместе с женами и детьми вышлет в те места, откуда они бежали, а воров и убийц под караулом отошлет в Москву или Азов. Он прикажет Юрию Владимировичу, чтобы он, не особо стесняясь в средствах, разобрался с казаками Бахмутской станицы, которые нанесли обиду Изюмскому полку и полковнику Федору Шидловскому.

Злость царя в тяжелом молчании росла час от часу. Это ж те казаки, которые не дали посланному с Воронежа Алексею Горчакову описать и осмотреть спорные земли и угодья на Бахмуте. Как они посмели продержать его за караулом и нарушить царский указ? Ведь дьяк был послан с Воронежа, чтобы между Изюмским полком и донскими казаками вражду искоренить.

Оставшись, в одиночестве, Петр задумался о том, что судьба России теперь в немалой степени зависит от того, что станет с Доном. Государь от навязчивых прошлых мыслей полностью вернулся к сегодняшнему дню. Ему было горько сознавать, что беды и неудачи разрушали государство. В усталых глазах Петра накрепко отпечаталась озабоченность.

Сложив руки за спину, царь, сутулясь, вскрикнул:

- Макаров!

Алексей вошел мягкими вкрадчивыми шагами. Вышколенный многолетней службой тайный кабинет-секретарь вырос перед ним мгновенно. Петр I погруженный в свои думы не сразу услышал его шаги. Вздрогнув, он поднял думный взгляд на вошедшего Макарова. Его глаза горели так, как будто он руководил жестоким сражением.

Желтый огонь, то спадал, то вспыхивал и вдруг потух. Петр зажег погасшую свечу, но она беспощадно закоптила. Тогда царь быстрым движением ногтя сбил уголек, и свеча загорелась ярко, осветив стол, заваленный бумагами и картами.

Резко вздернув голову, царь развернулся к Макарову.

- Пиши указ господину Долгорукому, - повелительно сказал он и начал диктовать, рассерженно глядя на сосредоточенное лицо Алексея.

Макаров прикрыл глаза ладошкой, потому что яркий свет мешал ему писать. Ничего не забывая, он не успевал макать перо в чернила. Когда указ был готов, Петр подписал, припечатал печать и, немного подумав, собственноручно добавил, что писано из Люблина в 6 день июля 1707 года.

- Ступай, через полчаса зайдешь, я Екатерине еще отпишу.

Алексей с преданным выражением на лице откланялся и бесшумными шагами унес указ. Широко раскрыв глаза, государь грустно перекрестился на образа, а потом помолился так, как молятся только в минуты сильного волнения.

- Господи отведи напасть, не покинь в пути!

Петр окинул беспокойным взглядом бумагу. Перо плохо слушалось его руки, он несколько раз начинал и бросал писать. Царь строчил письмо, чтобы поделиться своими мыслями и чувствами с Екатериной. Справившись наконец с посланием жене, государь короткими глотками отпил воду из кружки и, заложив руки за спину, прошелся по комнате. Письмо получилось горячим и искренним.

Скоро усталый Петр уснул за столом с обгорелой лучиной в руке, но через несколько минут он проснулся от птичьего гама на деревьях и беззлобно погрозил указательным перстом:

- Ну погоди Кондрашка, я тебе башку ссеку!

В его голосе никакой враждебности не чувствовалось, хотя глаза царя горели злым огнем. С этими словами Петр обессилено забрался под одеяло и устало, сомкнув веки, спокойно заснул. Его сон был ровным.

Глава 3

2 сентября 1707 года, как только солнце на горизонте оказалось во мглистом мареве, Юрий Владимирович Долгорукий по указу государя с одной тысячей солдат прибыл из Азова в Черкасск. Лукьян Максимов и старшина, чтобы не вызвать гнев князя, встретили его радушно.

В полдень Долгорукий надменным тоном довел казакам царскую волю:

- Беглый люд, оставив прежние промыслы, по дороге чинил убийства, поэтому государь указал мне, чтобы я во всех казачьих городках провел сыск всех, кто вместе с женами и детьми со старых насиженных мест бежали на Дон.

Юрий Владимирович достал из широкого кармана листок и подал его Лукьяну Максимову. Послушно отбив поклоны князю и Богу, атаман пробежал по царскому указу встревоженными глазами.

Князь бросил исподлобья долгий взгляд на примолкшего Лукьяна.

- Государю остро нужны люди для рекрутчины, для податей и для подневольного труда. Без них заводчики и дворянство не могут исполнить указы царя. Я требую от вас усердного участия в этом деле.

Заглянув Долгорукому в лицо, атаман с деланной бодростью произнес:

- Князь, в Черкасске и в нижних донских городках беглых людей нет. Здесь мы уже все проверили. Искать таковых нужно в верхних станицах. Я и старшины, чтобы продемонстрировать великому государю свою преданность, отпишем от Войска Донского свою сказку атаманам и направим с вами две сотни казаков. Вместе с ними отправятся старшины Ефрем Петров, Абросим Савельев, Никита Саломата, Григорий Матвеев и Иван Иванов.

Названные Максимовым старшины в знак согласия покорно склонили головы. Они знали, что Долгорукий не терпел бессмысленных действий от людей подвластных ему. В делах Юрий Владимирович был суров до жестокости.

Желая, как можно скорее приступить к делу, князь сурово спросил:

- Когда приступим к сыску?

- Послезавтра с утра, - ощутив в душе неприятную истому, ответил Лукьян.

Долгорукий поднял требовательные глаза на Максимова.

- Найдется место для отдыха моего отряда?

- Для всех найдется ночлег, – добродушно отозвался атаман и немного помедлив, сдержано проговорил: - Князь, позволь твое требование обсудить на круге?

Юрий Владимирович нервно дернул скошенными губами:

- Чего обсуждать царское решение? Вы холопы царские, давай ближе к делу. Разговор будем вести после того, как наведем порядок на Дону.

- Князь, ты на нас креста не клади. Чистая формальность, дань старой казачьей традиции, – с подчеркнутой вежливостью пояснил атаман и, приложив руку к сердцу, добавил: - Казаки примут царскую волю.

Сузив глаза от ненависти, Долгорукий ушел ни разу не оглянувшись.

- Истинно пронесло! – тихо произнес Лукьян, почувствовав в душе тревогу.

- Дай Бог! – сокрушенно покачал головой Петров.

Максимов стоял посреди избы, как громом пораженный. В его сознании птицей пролетела мысль: как самому уцелеть и других от беды уберечь. От напряжения у него так сдавило виски, что он даже окаменел от беспокойства. Продолжая думать о том, что будет дальше, атаман начал усердно молиться, чтобы избавиться от тяжелых мыслей.

Утром, едва заря расширилась, Лукьян собрал большой войсковой круг, чтобы получить согласие казаков на сыск беглых людей в донских городках и станицах. Для решения этого вопроса в Черкасск со всех сторон стеклись казаки. На майдане собралась большая и взволнованная толпа.

- Казаки, всем ведомо, что князь прибыл с царским указом, поэтому нам надо решить: выдадим или нет голытьбу, беглых ратных людей и других чинов царскому опричнику? – объявил Максимов.

В разных местах майдана вспыхнули гневные крики и дерзкие голоса.

- Мы, что холопы? Такое устроим ему, что не рад будет.

- Кишки выпустить князю! Неужели стерпим обиду?

- В воду его! Покажем ему горячую кровушку.

- Никого не выдадим! Нам не в первый раз подниматься!

- С чем дьявол приехал! Нету у нас беглых.

Старшины повелительными криками попытались успокоить казаков, но толпа утихла не сразу. Подняв булаву, атаман дождался тишины. В его усталых глазах полыхала тревога за Дон.

– Казаки! В наших интересах оставить все как есть. Но вместе с этим мы должны сказать государю, что готовы нести свою службу за царское жалованье и хлеб, как прежде, – бросил веские слова в толпу Максимов и вдруг, оглянувшись вокруг, значительно понизил голос: - До сего времени не было указа государя, чтобы пришлых людей не принимать. И есть святая казачья заповедь: с Дона выдачи нет! Если они всех отловят, - с кем мы останемся?

- Любо, атаман! Не посрамим казачьего рода! – враз ответили казаки и единодушно приняли решение не выдавать беглых людей князю.

- Мы отправим гонцов во все притоки Дона, во все верхние донские станицы, и предупредим местных атаманов о том, чтобы беглые люди на время скрылись от князя. Любо казаки?

- Любо, атаман!

В полдень казаки формально согласились с решение царя. Кому захочется открыто бросить ему свою ненависть?

Глубоким вечером Долгорукий отписал Петру I письмо, где пожаловался, что казаки в Черкасском городке всяких чинов людей разыскать не позволили и дальше приписал, что ему дали грамоту написанную рукой атамана и заверенную войсковой печатью. И что для помощи в царском деле вместе с ним отправились 200 казаков и 5 старшин Войска Донского.

На следующее утро атаман твердо заверил князя, что во все верхние донские городки посланы письма с предостережением, чтобы атаманы в сыске и выдаче беглых людей были послушны Долгорукому.

Когда начался редкий осенний дождь, отряд тихо-мирно и без барабанной дроби покинул Черкасск. Солдаты без лишнего шума и гама ступили на неуютную дорогу. Впереди шли всадники, за ними старшины, позади тащился обоз.

К этому дню осенние дожди так размыли дороги и тропы, что длинные фуры неуклюжими колесами вязли в непролазной грязи. Даже на высоком месте копыта коней разъезжались, поэтому ездовые от злости матюгались и без конца били рысаков нагайками.

На привалах невозможно было разжечь костры или укрыться от холодного дождя, потому что дождь то усиливался, то затихал, то останавливался. Измотанные солдаты с трудном переносили тяготы и лишения. На то, чтобы приготовить пищу или устроить ночлег у них не оставалось сил. Не помогали ни крики Долгорукого, ни угрозы его офицеров.

- Становитесь впереди колонны, - скоро указал казакам Долгорукий, поставив коня на обочине дороги.

Растянувшись на большое расстояние, царский отряд едва поспевал за черкасскими казаками. Вскоре они прошли сырыми дорогами Манычский юрт и Багаевскую станицу, где князь схватил небольшое количество беглых людей. Долгорукий передал их под расписку местным атаманам и направился в Герасимовую Луку, расположенную на реке Деркул, но в опустошенном городке князь никого не обнаружил.

- Приволоките ко мне атамана! – жестко потребовал Юрий Владимирович и как только он явился, грубо спросил: - Есть в твоем городке беглые люди?

Атаман охотно подтвердил, что есть и привел дряхлого деда.

Побагровев от его торопливых действий, Долгорукий удивленно приподнял тонкие брови:

- Ты кого ко мне привел? Он скоро Богу душу отдаст.

Атаман развел руки в стороны: более никого нет. Князь едва удержался от того, чтобы не расправиться с ним на месте. Лишь нехватка времени, да подкупающая тихость, не подходящая ни к одному атаману, спасла старого казака от неминуемой расправы.

- Почему городок пуст? – заорал князь, поливая атамана отборной бранью: - Где твои люди? Отвечай, тать!

- Я не знаю куда они девались, - изобразив на лице почтительное выражение, извиняющимся тоном ответил казак.

- Врешь, пес, – вскрикнул князь и его крылья носа от злости раздулись. – Сам-то ты кто?

Застывший в удивлении атаман, с гордостью ответил, что урожденный казак.

- Сволочь ты, а не казак, - вскричал Долгорукий и на его румяном лице отразилась брезгливая усмешка. - Благодари Бога, что мне не до тебя.

- Пускай спасет тебя Христос, князь! – согнулся в поясе казак.

- Прочь с дороги пока кнутом не огрел!

Скоро Долгорукий дошел до Мелехова городка, где изловил двадцать беглецов. И здесь князь пришел к выводу, что так ему указ Петра I до зимы не исполнить, поэтому он решил разделить свое войско на четыре части и пустить по разным направлениям. Один отряд во главе капитана Плохова двинулся вверх по Дону до Паншина городка, другой капитана Киреева направился от Паншина до Донецкого городка, третий капитана Тенебекова пошел к Медведице и Бузулуку. Сам же Долгорукий во главе четвертого отряда отправился на Северский Донец и запольные реки.

Добравшись до Северского Донца, Долгорукий остановился на крутом побережье, чтобы полюбоваться красивой рекой. Во многих местах где-то спокойный Северский Донец, а где-то быстрый, то сужался, то расширялся. И деревья или вплотную стояли к реке, или отступали далеко в степь.

Отдохнувший Юрий Владимирович, борясь с дремотой, двинулся дальше. В поредевшем тумане разносился звонкий перестук лошадиных копыт. Лениво помахивая кнутом, Долгорукий прошел Гнилую, Деркулу, Калитву и вскоре добрался до Обливенского городка на реке Деркул.

- Атаман Обливенского городка! – неожиданно раздался голос офицера.

Долгорукий замедленно повернул голову, смерил презрительным взглядом, явившегося по собственному почину атамана и грозно спросил:

- Говори харя разбойная, есть в твоем городке беглые?

- В городке до вчерашнего дня проживало двадцать беглых людей, но они сбежали, услышав, что приближается царское войско, - ответил испуганно атаман, и чтобы у князя не возникло никаких сомнений, перекрестился с особым усердием.

Казак с виду спокойный стоял перед князем не шелохнувшись, хотя руки его заметно дрожали. Долгорукий обвел атамана колючим взглядом, затем в ярости выхватил из-за пояса плетку и со всей силы хлестнул его по лицу.

- За что, князь? – отшатнувшись, крикнул атаман.

- Молчи, холоп! – раздраженно вскрикнул Юрий Владимирович. – Чтобы впредь знал, как с ворами связываться. И что будет, если и дальше будешь вводить в грех добрых людей!

- Я правду гуторю милостивец! – надтреснутым голосом попытался возразить атаман, но Юрий Владимирович, потрясая кулаками, вначале разразился в его адрес отборными ругательствами, а потом указал Несвицкому: - Подайте сюда розги!

- Князь помилуй, я верой и правдой служу, - взмолился атаман.

- Валите его и бейте беспощадно! – вне себя заорал князь и, атамана, повалив на деревянную скамью, стали безжалостно пороть плетьми.

- Смертно сыпьте дьяволу, - потребовал Долгорукий.

- Отпустите, не могу больше терпеть! – заревел казак, ловя открытым ртом воздух.

- Ответишь - отпустим! Говори правду!

Атаман только вскрикивал под градом ударов.

В результате дознания с пристрастием выяснилось, что в Обливенском городке имелось 6 казаков-старожилов, десять человек из Малороссии и двести из русских губерний, но они попрятались в глубоких оврагах притихшей степи.

Скоро драгуны схватили голытьбу и на веревках притащили в городок.

- Всех смердов заковать в цепи и отправить в Воронеж. Никого не жалеть, никакой пощады! Пытать, бить, рвать ноздри и вешать! - взъярился холеный князь и в гневе пригрозил плетью: - Я вас воспитаю злодеи! Крушить буду безжалостно.

Пополнив запас продуктов и овса, Долгорукий отправил отряд во главе братьев Арсеньевых вверх по Северскому Донцу, сам же продолжил сыск по левым притокам Донца. Здесь

князь совершил вторую ошибку, раздробив свои силы еще на два отряда, что в дальнейшем приведет его к гибели.

И в Ново-Айдарске, и в Беловодске, и в Явсужске князь тоже провел сыски, но это ничего не дало, что привело потомка Рюриковичей в большую ярость. Не успокоившись, Долгорукий приступил к таким карательным акциям, что казачья старшина из Черкасска не в силах вынести страшные сцены, отворачивала глаза. Дальше Долгорукий, ослепленный злостью, шел, не соблюдая никакой осторожности.

Всего князю удалось разыскать около двух тысяч беглых и дезертиров.

Глава 4

Когда вести о жестоком обращении с голытьбой и казаками на Дону дошли до станиц, Булавин вместе с близкими товарищами призвал казаков со всей округи и с нетерпением стал ожидать их в Ореховом буераке, который находился в трех верстах от Новоайдарского городка.

Напряженно вслушиваясь в тишину, Кондрат выглядывал в окно, но шли часы, а пришли единицы. В настроение атамана выросла тревога, - где верные казачеству товарищи? Эта неопределенность породила в его душе горечь. Кондрат почувствовал себя забытым всеми. Он никогда не был в подобном настроении, но тревога Булавина была напрасной.

Увидев на майдане несколько сотен казаков, и в их числе Семена Беспалого, Никиту Голого, Семена Драного, Ивана Лоскута, Григория Банникова и дьяка Гордея, Кондрат скинул с плеч горький груз. По всему майдану прокатился вздох его глубокого облегчения. Однако на лице атамана еще долго стояло напряженное выражение.

И хотя атаман вел себя спокойно, но усталость от предыдущей бессонной ночи давала о себе знать. Ему пришлось предпринять немалое усилие, чтобы показать себя бодрым. Когда все подтянулись к станичной площади, то склонившееся к югу солнце высветило темную толпу.

- Круг тихо, Булавин гуторить будет! - сдержанным голосом вскрикнул Семен Беспалый.

Кондрата распирала радость от присутствия своих соратников. Это чувство всего несколько минут назад зародилось в нем. С его лица уже исчезло волнение, но в глазах все еще светилась легкая тревога. Он бы тяжело переживал, если бы верных товарищей не оказалось рядом.

- Казаки, что творит Долгорукий всем ведомо, - обратился к казакам Булавин, подчеркнув жестом руки каждое слово. - У старожилов носы и губы режут, многих кнутами бьют и вешают, некоторых наших женщин берут силой, а детей кидают за забор. Мы не может простить этого царскому сатрапу. За эти бесчинства Долгорукий должен ответить своим животом!

Рокот многих голосов взорвал тишину - по изумленной толпе пронесся злой говор. Затем на майдане возник возмущенный шум, невообразимый гвалт и оглушительный свист. Ропот в толпе все нарастал, нарастал и вдруг сменился глубоким молчанием.

- Но нас должно беспокоить не только это! Старое Поле и наша казачья вольность должны остаться неприкосновенными. Когда это было, чтобы с Дону выдавали беглых людей? Никогда не бывало! Мы всегда давали приют обиженным и обездоленным.

Тяжело вздохнув, Кондрат Булавин перевел дух.

- Вы хорошо знаете, что наша жизнь веками проходила в извечной борьбе с турками, горцами и степняками. И что произойдет, если мы перестанем принимать людей? Потери будут, а притока новых сил нет. В таком разе казаки все переведутся, и мы ни за что не сможем удержать в своих руках Дон.

Атаман вытер рукавом пот с лица и обвел горящими глазами униженных людей.

- Царь хочет отобрать наши казачьи традиции и старую веру. А злые бояре и немцы заставляют нас брить бороды и усы. Они жгут наши часовни по всем казачьим рекам. И хотят

отвратить нас от христианской веры, чтобы ввести в эллинскую. А разве мы можем отказаться от своего прошлого? Как мы можем забыть то, о чем мечтали наши предки?

Почувствовав в себе дерзость, казаки одобрительно закивали головами. Давно они не испытывали небывалую радость от дозволенной свободы. И впервые за многие годы они могли наговориться всласть. Из-за этих чувств они не жалели ни времени, ни душевных сил.

- Любо ли вам это? – прищурившись, бросил слова в толпу Кондратий.

По майдану снова пробежал недовольный говорок, а на лицах казаков заблестели лихорадочные глаза.

- Нет, не любо! – ответил за всех молодой казак. - Многие казаки сейчас находятся вместе с царем в походе против шведов. Мы не заслужили злого отношения к себе! Казаки требуют отмены позорного указа государя.

- Если вы не хотите потерять наши реки и наше Поле, то нужно за это крепко встать, так как наши отцы и деды стояли. За смерть невинных людей, за кровь отцов, матерей и наших детей мы должны встать за одно и лишить жизни князя Долгорукова с его подручными.

- Мы припомним ему все обиды. Все, как один поднимемся!

- Мщения! – потрясая волосатыми кулаками закричали казаки.

- Мы готовы, веди нас! Зачем воду в ступе толочь? У нас землю, солеварни – все отобрали! А самих сгоняют в негодные места. Жены и дети с голоду пухнут. В лохмотьях ходим. Как дальше жить? – разноголосо воскликнули молодые казаки.

Кондратий обвел толпу горящими глазами:

- За Дом Пресвятой Богородицы, за Войско Донское встаньте единодушно. Сын за отца, брат за брата, друг за друга встаньте, как один. Долг каждого казака защищать угнетенных людей. Готовьтесь отстаивать свою волю! Отливайте пули, точите шашки, готовьте пики и подковывайте верных коней. Не будет больше ни голода, ни унижений.

Булавин был из тех атаманов, который мог завоевывать расположение толпы. В его глазах с каждой минутой росло торжественное выражение. Кондрат уже понял, что сегодня его судьба круто изменится.

Неожиданно Игнат Некрасов широко шагнул вперед и громко спросил круг:

- Кого желаете видеть походным атаманом?

- Булавина хотим, – дружно ответили казаки. – Справится чего уж там. Он всегда стоял за казачью правду. Толковый будет атаман для похода.

- Годен! Верим Булавину!

Кондрат обрадовался, что его мысли восторжествовали.

- Благодарю, что доверяете мне казаки и простите, если я говорю слишком горячо, - растроганно ответил избранный атаман и тут же обратился к кругу: - А кого вы хотите выдвинуть в сотники?

- Банникова и Лоскута, - вскричало враз несколько десятков голосов.

- Годится, достойные казаки!

После недолгого обсуждения казаки избрали двенадцать сотников, восемь есаулов и двенадцать объездчиков, которые должны были объехать станицы и городки Войска Донского, чтобы поднять людей на борьбу против князя Долгорукова.

- Поздравляю вас с новыми сотниками, есаулами и, покоряйтесь им, как мне, отныне они ваши начальники! – одобрил выбор казаков Кондрат.

Но некоторым пришлось не по душе отдать свою судьбу в руки Булавина.

- Зима на носу, - с тревогой спросил из толпы Бударин. - Как воевать будем?

Булавин поднял напряженные глаза на старого казака и, не замечая его тревожного взгляда, ответил ровным голосом:

- Всех оденем и накормим. Никто разутым и голодным не останется. Скоро весь Дон поднимется! И я в стороне не останусь.

Зная, что Кондрат зря слов не бросает, казаки одобрительно загудели.

- А что дальше будет? Вы об этом подумали? – мерно отпуская слово за словом, снова спросил Бударин. – Что, если царь направит на Дон свои войска? Тогда до казаков доберутся и отдадут в холопы воеводам. И сами пропадете, и нас погубите. Слишком тяжелой станет наша ноша.

- Чего пророчишь? Будь ты трижды проклят! – вскричал молодой казак. - Ничего не будет - чай бывалые! Одним махом сметем князя и его собак.

- Чепуху городите! Голытьба нас не касается, - продолжил возмущаться Бударин.

У Кондрата на потемневшем лице нервно дернулась щека.

- Сейчас царю не до этого, – равнодушно махнул рукой Булавин. – Он всецело занят войной со шведами. Да и мы без дела сидеть не будем. Нас поддержат запорожские казаки и голытьба, а кто к нам не пойдет - у тех мы животы будем грабить. Мы многих к себе приторочим.

Атаман вызывающе вскинул голову и заскользил испытующим взглядом от казака к казаку. Все ли пойдут за ним в трудную минуту и будут ли верны делу, которому он служит? Уж не вздор ли то, о чем он думает? Или, если что-то случится, никто не поддержит? И тогда все шишки посыплются на его голову?

Булавин бросил взгляд на удрученного Бударина.

- Вначале мы пройдем по Запорожью, Тереку, Астрахани и призовем Белогородскую орду. По всем казачьим городкам соберется такая сила, что ни Азов, ни Таганрог не устоят. Тысячи освобожденных каторжан станут нам верными товарищами. С таким войском нам сам черт не будет страшен. Но вначале мы должны взять Черкасск и пройтись по городкам от Изюма до Рыбного, чтобы разжиться достаточным количеством лошадей, оружия и платьев. А весной двинемся на Воронеж и Москву.

- Любо! Любо! – крикнул молодой казак. - Если смолчим, то пропадет наша волюшка. Царь хочет ярмо на нас одеть.

- Идем на Долгорукого! - горячо воскликнула толпа.

Слова Кондрата были встречены с радостью и симпатией. Почувствовав, что многие казаки разделяют его мысли, воодушевленный атаман обвел красными глазами возбужденные лица и между им и толпой возникла нить взаимного доверия. Особый склад ума приковывал к Булавину окружающих людей.

- А разве недостаточно будет, если мы разобьем только войско Долгорукова? – вышел вперед неугомонный Бударин.

Атаман с выражением недоумения посмотрел на старика.

- Нет, я уже сказал, что мы должны твердо стоять за нашу веру, за казачье поле и волю. Казакам надо помочь униженной голытьбе в порубежных городках. Мы должны показать царю свою силу, поэтому не будем откладывать дело в далекий ящик. Ночью всем собраться здесь с чистой душой и сердцем!

Булавин спорил, возражал, потому что имел свое мнение. Но сложное дело представлялось слишком просто в его изложении. При этом он никого не впускал в свою душу, хотя у него была вера в казаков.

- Вон куда гнет подлюга! Охота нам воевать с царем, - с недовольством пробубнили старики, но большинство казаков твердо высказалось в поддержку того, чтобы выступить против князя Долгорукого.

- Можешь на нас положиться, атаман, - заверил Никита Голый.

Булавин звучным голосом поблагодарил верных товарищей за верность делу и за готовность хоть завтра идти в бой за казачью волю. С этой минуты в его настроении произошел коренной перелом, и он уже нисколько не сомневался в том, что принял правильное решение.

- Я благодарствую вас, казаки! Если я взялся за дело, то не отступлюсь. Мы побьем Долгорукого и его слуг и вернем себе землю с солеварнями. У нас из старого вырастет новое. Нам трудно будет это увидеть, а еще труднее понять. Но наши дети — это точно увидят.

- Заварим кашу, как расхлебывать будем? – вдруг крикнул кто-то из круга.

Атаман густо побагровел, словно его сильно обидели и твердо заверил:

- Со мной не пропадете!

Сбившись толпой вокруг дьяка, казаки дружно спели молитву и растворились в городке. И вдруг в Ореховый буерак на красном коне полным карьером прискакал Панька Новиков. Задрав морду, рысак с шумом разводил крутые бока. От взмыленного животного валил густой пар.

Спрыгнув с коня, Новиков задыхаясь, спросил Ефима Семилетова:

- Где атаман Булавин?

- В войсковой избе сидит, - ответил Ефим. – Зачем он тебе?

- У меня весточка для него, - привязав рысака к коновязи, пояснил Панька.

Дверь Новикову раскрыл дьяк Гордей. В комнате от буйно разросшейся под окном акацией стоял сумрак. Находившиеся в избе казаки встретили Новикова безмолвно. С трудом дыша, Панька протянул атаману письмо.

Взглянув на юношу прищуренными глазами, Кондрат недоуменно спросил:

- Откуда у тебя бумага к Долгорукому?

- Атаман Алексеев дал, - ответил Новиков, все еще охваченный азартом лихого наездника.

Булавин передал свернутое в трубочку письмо Гордею. Дьяк, хмуря брови, прочитал его вслух и, громко крякнув возвратил Булавину. Из перехваченного письма стало известно, что атаман Шульгинского городка предупреждал Долгорукого о том, что Булавин собрал две сотни казаков, чтобы уничтожить его отряд.

- От кого Фома прознал? – поменялся в лице атаман. – Когда успел?

- Его сыновья возят сено из Орехового буерака, - пояснил Новиков, стерев с разгоряченного лица пот. – И там им донесли, что вы собрались побить князя.

Булавин от негодования то бледнел, то краснел.

- Молодец, что занес бумагу, - поблагодарил он Паньку, и чтобы придать фигуре лихой вид, тщательно оправил одежду. - Что будем делать, казаки?

После небольшой паузы старшина Савельев тихо обронил:

- В Черкасске одобрили нападение на Долгорукова, Кондрат.

- Тогда этой ночью тихо подберемся к ним и неожиданно ударим, – с расстановкой произнес Булавин и акцентировал внимание казаков на то, чтобы Фому Алексеева взяли живьем.

- Любо, атаман! – откликнулись верные товарищи.

Попрощавшись с казаками, Новиков ловко взметнул в седло и пулей вылетел из ограды. Его конь вихрем промчался по улице, подняв белый шлейф над дорогой. Еще пыль не осела, а от Паньки уже след простыл. Всадник словно исчез в сером облаке.

Уставший и голодный Булавин остался ночевать в войсковой избе. И весь вечер с его ума не сходили Ульяна с Галиной. Они так крепко вросли в его сердце, что он каждый день думал о них. После дум о жене у Кондрата на сердце стало теплее, а в душе выросла надежда на лучшее время.

Кондрат кинулся в неизвестный мир борьбы, как в омут, потому что не чувствовал успокоения от того, что творилось на донской земле. От многих дел на Дону у него закружилась голова.

Глава 5

В середине поникшей осени, изнуренный походом Долгоруков, двигался вдоль реки Айдар. Ни днем, ни ночью не смолкали чавканье ног и шлепанье конских копыт. В дороге отряду приходилось преодолевать много трудностей, поэтому среди солдат редко звучали веселые разговоры и не исчезала неуемная робость и тревога.

- Когда будем в Шульгинском городке? – в спокойной раздумчивости прервал молчание князь.

- Через пять верст, – ответил с обычной улыбкой Ефрем Петров и сухо спросил князя: - Где ночевать будем, Юрий Владимирович?

Сердце Долгорукого кольнуло беспокойное чувство.

- В Шульгинском городке остановимся. Надо перепрячь лошадей и пополнить запасы фуражом.

- Там есть где разместиться - не пропадем, - успокоил Петров.

- Жаль, такая благодать кругом, - мечтательно произнес Семен Несвицкий, вдохнув смолистый воздух. - Самое время ночевать у реки возле костра.

- У казаков губа не дура, воздух и в самом деле пряный! – поддержал Иван Дубасов. – Но в городке мы и сами сыты будем, и коней накормим, а в случае тревоги хлопот будет меньше.

В синих сумерках отряд Долгорукого добрался до Шульгинского городка. На майдане их встретил со всем приличием встревоженный Фома Алексеев. По команде Булгакова всадники спешились и отвели коней за скотный двор. За оградой разнузданные рысаки напали на пожухлую траву.

Не выразив никакого удовольствия от встречи с атаманом, Долгорукий передал коня ординарцу и кинул долгий взгляд на Алексеева:

- Устрой моих людей на ночлег и задай корма коням.

- Моя хата в вашем распоряжении князь, - радушно предложил Фома и, указав рукой на соседнюю избу, добавил: - Подьячий и дворовые остановятся рядом с вами, в двух саженях разместятся солдаты с черкасскими казаками.

Вскоре сумерки сгустились и кроме силуэтов домов, ничего невозможно было разглядеть. Позже по земле застучал тяжелыми горошинами дождь, зигзагом сверкнула молния и сразу же начался сильный дождь. Затем все погрузилось во мрак и от дневного тепла не осталось следа.

Когда в темноте солдаты занесли в дом дорожную поклажу князей, Юрий Долгорукий на крыльце громогласно распорядился:

- Князья Несвицкий, Булгаков и поручик Иван Дубасов останетесь при мне.

Над городком повисли крики солдат и рев крупного скота, а вдалеке уныло проскрипели повозки. Прислушавшись к шумам, Долгорукий напился воды из колодца с высоким журавлем и ушел в избу атамана. Следом на пороге появился Фома Алексеев.

- Юрий Владимирович, я посылал Паньку Новикова с письмом, – атаман сделал почтительный поклон. - Он передал его вам?

- Что ты хотел донести? – не выразив удивления, спросил Долгорукий.

Алексеев наклонился к уху князя так, что он почувствовал его теплое дыхание и приглушил голос до едва слышного шепота:

- Мне сообщили по секрету, что Булавин с казаками Верхнего Дона собрал большую силу. Они замыслили убить тебя вместе с офицерами. Об этом святотатстве Кондрашка объявил на круге.

Уловив в голосе атамана нотки заискивания, князь смерил его недоверчивым взглядом.

- Где сейчас он?

Алексеев протянул руку в сторону:

- В трех верстах от Нового Айдара.

- Откуда дознался? – спросил Юрий Владимирович и, выпив чарку с водкой,

зажевал свежеиспеченным хлебом.

- Мои сыновья возили сено с Орехового буерака и там обо всем прознали, - ответил атаман, сощурив черные с хитринкой глаза.

Долгорукий отвернулся от атамана и, все взвесив, важно поднялся:

- Вели им явиться.

Атаман крикнул сыновей и мысленно пожелал, чтобы без беды обошлось.

Едва юноши явились, князь поманил к себе старшего сына атамана согнутым пальцем и нетерпимым тоном спросил:

- Это правда, что вор замыслил убить меня?

- Попробуй соври: враз узнаешь, почем фунт лиха, - в крайнем смущении ответил он, созерцая на румяные щеки князя.

Долгорукий с подрагивающей в руках трубкой, развернулся к Алексееву:

- Где Панька?

Алексеев под пытливым взглядом князя сложился в поклоне и разочарованно протянул:

- Не вернулся – ищем.

Нетерпеливое лицо Юрия Владимировича сморщилось от недовольства.

- Найти и приволочь ко мне! – с особой настойчивостью потребовал князь и, выпив залпом невкусный чай, зло спросил: – Достаточно дал фуража коням?

Алексеев испуганными глазами взглянул на Долгорукого:

- С лихвой хватит.

Покачиваясь ногами на одном месте, Юрий Владимирович пристально посмотрел на атамана. Его взгляд ничего не выражал: ни гнева, ни страха. Но чувство неприязни, возникшее к атаману, не исчезло. Ему хотелось сказать Фоме что-нибудь жесткое, но нужных слов не нашлось.

- Ступайте прочь, - закрыв пустые глаза, разрешил Долгорукий и тут же отдал распоряжение Булгакову: - Матвей, расставьте вокруг городка двадцать караульных так, чтобы разбойники не смогли застать нас врасплох. И предупредите всех об опасности от воров.

- Слушаюсь, Юрий Владимирович, - щелкнув каблуками, ответил Булгаков и ушел исполнять приказ.

Сохранив на лице спокойствие, Долгорукий согнулся над картой и перемещая холеную руку по потертой бумаге, сделал какие-то пометки пером.

- Кишка тонка, чтобы сюда сунуться, - сквозь зубы прошептал он и, резко встрепенувшись, распахнул холодные глаза. - Пуганому коню только плеть покажи.

В тихий вечер Фома Алексеев распорядился, чтобы во дворе зажарили большого поросенка и несколько гусей. В это же время слуги Долгорукого стали готовить стол. Скоро из кухни на весь двор запахло вкусной едой и на столах появилось много жареного и вареного. Приятно шибало в нос печеным хлебом и медовой травой, запыхтел самовар. Князьям было что выпить и поесть.

После ужина Булгаков ушел проверить, чтобы все было в порядке.

- Никому не спать под страхом смерти! – предупредил Матвей караульных, хотя в их поведении он не увидел никакого пренебрежения к опасности.

Дозоры на окраинах городка бодрствовали и чутко прислушивались к ночным шорохам, а часовые борясь с сонливостью, всматривались напряженными глазами перед собой, однако тьма стояла непроглядная.

Предпринятые меры подействовали на князей успокаивающе, и они спокойно легли спать. Но ворочаясь с одного боку на другой, они долго не могли заснуть. Чувство опасности с усталостью разом охватило их. Им не хотелось ни думать, ни говорить.

В этот вечер солдаты засиделись у костра дольше обычного, подкидывая в костер сушняк. Уже луна взошла, а они, раскинувшись на охапках сена, глядели то на рубиновые огни, то на часовых бесшумно маячивших в темноте.

- Ложитесь отдыхать, а то завтра чуть свет подниметесь, - предупредил Фома, но многие солдаты, тихо переговариваясь во тьме, так и не легли спать.

Становилось тихо, во дворе погасли факелы и ни одного огня не светилось в окнах. Только на темном небе неистово горела самая яркая звезда. Да еще где-то в степи тлел слабый огонь, но откуда он светил определить было невозможно.

- Не спать даже вполглаза! – наставлял дозорных казаков Ефрем Петров.

В прохладном воздухе и во тьме чувствовалась напряженная жизнь, не угасавшая ни на минуту. Глухая ночь была грозовой, а в степи носился свежий ветер.

Алексеев, зарывшись с головой в сухое сено, густо храпел в бане на попоне с крепким конским запахом. Но едва атаман задремал, ему привиделось такое, что он проснулся в липком поту и через минуту опять засопел.

И князья, и офицеры давно уже спали, и Долгорукий утомленный передрягами тоже лежал, отвернувшись к стене. Грядущей ночью их сердца были свободны от ужасных предчувствий, но никто из них не думал, что наступающий день будет чреват на события.

Глава 6

8 октября, после того как небосвод затянуло черными тучами и на небе не пробилось ни одной звезды, казаки собрались на майдане многолюдной толпой и безмолвные до этого улицы огласились гулом восторженных голосов. Одни старики боевыми криками подогревали настроение толпы, другие торопливо запрягали отдохнувших коней.

С детства приученный к седлу Кондрат сидел, как впаянный на коне. Проведя колючим взглядом по строгим лицам, атаман восхитился казачьей стихией. Отряд получился боевым, дружным, хотя издали это сборище с пиками и саблями больше походило на разношерстную толпу.

- Лучшей погоды не придумать, - обрадовался Кондрат, полагая, что казаки сметут всех, кто встанет на их пути. – Темнота наш друг.

Закончились напряженные минуты и казаки, бренча стременами и оружием, вскочили в седла. Скоро Голый доложил Булавину о готовности казаков к выступлению, и толпа расступилась, образовав широкий проход.

- Время идет, по коням! Надо их ночью врасплох застать, – обойдя отряд, скомандовал Булавин, слегка приподнявшись на стременах. - Внезапный налет всегда страшнее ожидаемого.

- Не сомневайся Кондрат, мы разгромим царского подручника, - отозвался Никита Голый и сплюнул на большое расстояние. – Они у нас в ловушке, возьмем голыми руками.

Атаман протянул Никите широкую ладонь мужественным жестом.

- Дорогой никому не отставать! – щуря бесстрастные глаза, приказал Кондрат и вдруг ему страшно захотелось пить, но он не решился сойти, чтобы утолить жажду. – Нажимать, как следует на плеть! За мной рысью марш!

Неожиданно облака расползлись по небу и зыбкие звезды сбились в одну кучу, поэтому отряд Булавина двигался по едва видимой дороге. Слегка пофыркивая на ходу, рысаки покрылись крупным потом, а под копытами зашуршал сухой ковыль.

В полночь атаман с двумястами казаков пришел к Шульгинскому городку.

- Тихо и без шума, казаки! – предупредил атаман и, осмотревшись с седла, указал: - Семен Беспалый, Никита Голый, Семен Драный и Иван Лоскут берите по полсотни казаков, чтобы одновременно ударить со всех сторон. Общим сигналом будет горящий факел. И как только его зажжет каждая полусотня - идем в атаку.

Когда казаки разделились на четыре равные части, атаман дал время, чтобы полусотни заняли исходные позиции. Через несколько минут он зажег факел и тут же загорелся второй, третий и четвертый. Булавин коротко свистнул, и торжественная тишина нарушилась.

Полусотни коротким галопом рванули к городку. Легко смяв небольшие посты на дорогах, казаки густыми толпами устремились вперед. Уничтожив на окраине городка караульных, они начали заполнять улицы. Во тьме прорисовались избы, амбары и сараи. Вдоль коновязей выросли длинные ряды лошадей.

В эту минуту Алексеев, положив под голову ладонь, не спал. Фоме не спалось и не лежалось, его обуревали мрачные мысли. И вдруг бахнул один выстрел, второй, третий, а потом раздалась частая стрельба. Поняв, что случилось, Алексеев кинулся к избе, где спал князь и, перепрыгнув через плетень, затоптал разгоревшийся костер. Растолкав сонного часового, атаман подскочил к окну и знаками объяснил Долгорукому, что в городке появился Булавин.

- В ружье, тревога! – выскочив во двор, дико закричал подьячий Дровнин, но солдаты уже проснулись от беспрерывного ржанья лошадей.

- Что началось? – закрутил головой Долгорукий.

- Прячьтесь, Юрий Владимирович! – блеснул глазами Булгаков.

- Почему не разбудили, кто проглядел? – гневно вскрикнул Долгорукий.

Оглушенные оружейной трескотней князья наспех оделись. И хотя их сердца бились часто, однако страха в душе не было. Но от сильного волнения они не сразу попадали в рукава. Схватившись за оружие, князья сбросили сонливость и выскочили во двор. В предрассветной темноте со всех сторон ярко блеснули выстрелы. Вскоре противники с азартом схлестнулись врукопашную. В ход пошли пики, сабли и топоры.

В темноте солдаты не могли разобраться что происходит. Протирая заспанные глаза и, сшибая друг друга с ног, они заметались между избами. Кто-то опрокинул котел с водой на угли и по двору расползся белесый дым. То тут, то там валились на землю раненые и убитые.

У Долгорукого глухо скрипнули зубы, а блестящие глаза на бледном лице страшно изменились.

- Не сдавайтесь разбойникам! – зычным голосом воскликнул он и пронзил острой саблей грудь заспанного караульного. - Падем за царя в честном бою с Богом!

Мушкет из рук солдата с предсмертным криком упал в дождевую лужу.

Разбуженная выстрелами казачья старшина в нижней одежде кинулась к избе Фомы Алексеева и тут же наткнулась на облитого кровью сержанта, ведшего за узду лошадь, которая встряхивала длинной мордой и дико ржала.

У Петрова тело отяжелело в седле от перенесённого испуга. Вжав голову в плечи, Ефрем стал жадно искать жалкими глазами мятежников, но сколько бы он ни щурился – никого не увидел.

- Вертайтесь назад, воры берут приступом князя и спрашивают про вас, - предупредил раненый сержант, крепко держа за поводья возбужденного коня.

- Да ты что! – вскрикнул черными губами Ефрем и на его лице прорисовался безотчетный страх.

Вскочив на лошадей без седел, казачья старшина кинулась в степь. Не слыша за собой топота копыт, Петров тревожно оглянулся назад и к своему ужасу увидел, что за ними увязались с диким гиком всадники.

Ефрем несколько раз стегнул коня, но породистый скакун и без этого, как осатаневший несся по степи. В отчаянии Петров даже не знал куда держать путь. Причиной его страха была возможная смерть от руки Булавина. Петров знал, что Кондрат его точно не пожалеет. Но добрый конь вихрем унес Ефрема от неминуемой смерти.

В это время князья и солдаты из последних сил отбивались от наседавших казаков. В коротком бою Юрий Долгорукий, Семен Несвицкий и пятнадцать солдат были беспощадно

изрублены на куски. Оставшиеся в живых солдаты, побросав оружие, сдались в плен, Матвея Булгакова казаки взяли живьем.

Уставшие от яростного боя мятежники, вложили в ножны сабли. Во многих местах загорелись костры и к небу потянулся дым с крикливым говором. В темноте одни молодые казачки перевязывали раненых, другие готовили завтрак.

Забрав себе саблю князя Долгорукого с золотым эфесом, Кондрат пробрался между расступившимися казаками к Булгакову.

– Голову Долгорукова отправить в Черкасск, Булгакова забрать с собой в Трехизбенку. Выживших солдат отпустить на все четыре стороны, - указал атаман Драному.

Едва в Трехизбенке забрезжил рассвет, Булавин распорядился привести Матвея Булгакова. В избе князь уставился потускневшими глазами в земляной пол и сосредоточился на угнетавших его мыслях.

- За что наших жен и детишек убивали? – грозно спросил атаман с суровым выражением лица и, не дожидаясь ответа, схватил Булгакова за отворот кафтана жесткими пальцами. - Думали, что вы будете убивать нас, а мы вас нет?

Не выдержав враждебного взгляда Булавина, Матвей опустил голову на грудь и молча помотал головой. Обессиленный от борьбы Булгаков, всеми силами старался унять нервную дрожь в теле.

Раскрыв потухшие глаза, князь обтер рукавом, выступившую на бледном лбу крупную испарину и понял, что всему пришел конец.

- Мы царский указ исполняли, - наконец произнес Матвей.

- Беспалый, в воду Булгакова, и чтобы духу его не было на казачьей земле! – с налитым багрянцем лицом вскричал Кондрат и, указав обнаженной саблей на князя, сурово добавил: – Но перед воспарением к Илье-пророку пускай отведает плеть.

- Может обменять его на пленных казаков? – мягко возразил Драный.

- Чего его жалеть! Пусть сгинет на страх врагам!

И вдруг Матвей затрясся от мстительного чувства и то, что мучило его наконец нашло выход.

- Недолго и тебе осталось жить рожа богомерзкая, - в презрительном тоне проговорил Булгаков и тряхнул локтями, чтобы освободиться от крепких казачьих рук, но не хватило сил. – Государь за нас вас всех перевешает.

Булавин вложил саблю в ножны и злыми глазами показал князю дорогу в сторону реки:

- Сейчас ты умрешь, пес!

- Клятвопреступник! – взревел Булгаков.

На берегу казаки повалили Матвея на перевернутый струг и, отхлестав до полусмерти, утопили в реке. И в эти же окаянные дни, донские казаки в ожесточенном бою перебили отряды капитана Хворова на Бузулуке и капитана Тенебекова на Хопре. Вместе с ними погибла казачья старшина из Черкасска.

Из Трехизбенки Булавин ушел в Новый Айдар и там обратился к тихому Дону, призвав в прелестных письмах донских казаков, чтобы они, как один шли к нему. Из городков, из станиц, из степи и оврагов, вздымая по дорогам пыль, к Булавину потянулся попрятавшийся от Долгорукова народ. Униженной голытьбе нравилась в Кондрате простота и то, что он обещал народу волю. Они знали, что атаман умел отделять правду от лжи и добро от зла.

- Кто такие, куда бредете? – останавливали казачьи дозоры пеший люд.

- К Кондратию Булавину идем, хотим сражаться за его правду.

К атаману шли в основном бедные казаки и босая голытьба и почти все без оружия и коней. Народ собирался разных возрастов и кто во что одет. Всего на призыв атамана откликнулось около 2 тысяч человек.

- Разве можно уверенно на них положиться? Эта бесшабашная толпа способна только пограбить и погулять. Как могут быть им дороги неприкосновенность старого поля и казачья вольность? - впервые задумался Булавин.

Оценивая свое будущее, Кондрат понимал насколько трудно будет ему затеряться среди других людей. Хотя атаман был далек от мысли сохранить свою жизнь любым образом.

С того дня по вечерам в Новом Айдаре задымились бани, а днем казаки отводили душу в разговорах. Уже вечер наступал, а они все вспоминали прошлое. Все были так возбуждены, что никто подолгу не ложился спать.

Глава 7

Когда три казака прискакали в Черкасск с отрубленной головой Долгорукова, то в городке от небывалого известия возникло паническое оживление. От страшного подарка из Шульгинского городка старшины впали в тревожное замешательство. Озадаченные жестоким поворотом дела, они почувствовали себя неуютно, для них как будто походный колокол прозвучал.

- Доигрались! – нервно произнес Максимов и, взволнованно пройдя по избе, поднял на старшин растерянный взгляд, и они увидели в его глазах искренний страх и отчаяние.

Бледность на лице Лукьяна проступала даже сквозь темный загар.

- Что будем делать? – срывающимся голосом спросил Максимов, напрочь забыв, что до этого полностью поддержал Булавина.

Лукьян оглядел старшин тревожным взором.

– Теперь нам царского гнева точно не избежать, - с дрожью в голосе посетовал Ефрем Петров. - Как только земля этого злодея носит. Его надобно схватить и выдать царю.

Атаман замолчал, что-то обдумывая, но его раздумья продолжались недолго.

- Тут и думать нечего. Не надо быть пророком, что добром это дело не кончится, - ответил Максимов и, поправив сбитую на затылок шапку, простуженным голосом предложил: - Надо убрать Кондрата, чтобы концы в воду спрятать. Будем действовать сообща с царским войском, потому что Булавин затеял пагубное дело. Мы должны продемонстрировать государю свою верность. И с этой целью к Толстому сегодня же отправится гонец.

- Это разумный поступок, - тряхнув головой, отозвался Петров. - Я думаю, что к этому делу губернатор отнесется хорошо.

Лукьян обвел мрачным взглядом атаманов с ближайших городков и остановил глаза на красном лице Зерщикова. Не выдержав его холодного взгляда, Илья отвел глаза в сторону.

- С другой стороны государь должен увидеть, что мы являемся реальной силой на Дону и что нам по плечу любая опасность, грозящая царскому правительству, - стараясь придать голосу спокойное звучание, договорил Максимов.

Атаман потрогал рукой шашку в обтертых ножнах и взглянул на Петрова, который хотел ему что-то возразить, но Лукьян еще больше возвысил голос:

- Кроме того, мы должны сказать его боярам, чтобы они не использовали военную силу против казаков, ибо мы сами можем утихомирить Дон.

- Любо, атаман! – с радостью воскликнул Ефрем, жаждущий поквитаться с Булавиным за испытанный страх в Шульгинском городке. - Казаки Бахмутской, Сухаревской, Краснянской и Боровской станиц целиком поддержали нас и уже направились в Черкасск.

Проклиная в душе Булавина последними словами, атаман затряс багровыми щеками:

- Отправьте голову князя к Ивану Андреевичу Толстому вместе с есаулом и отошлите во все городки наши грамоты с призывом к казакам не поддерживать Булавина в воровских делах.

В этот же день есаул отправился в Азов. Лукьян с нетерпением ждал его из Азова, но он от губернатора возвратился не быстро.

- Что сказал, Иван Андреевич? – спросил есаула Максимов, едва тот вернулся.

- Губернатор поблагодарил Черкасск за верность царю и выразил надежду, что мы совместно с калмыками разобьем Булавина, - радостно доложил есаул. – Кроме того Толстой пообещал выделить в помощь солдатский полк.

Скоро Черкасск до отказа запрудили повозки, фургоны, телеги с пушками и городок стал походить на развороченный палкой муравейник. Днем по городку растекался шум, гам и неумолкающий грохот, а вечером по улицам взад-вперед сновали вооруженные казаки.

- Войско готово к встрече с Булавиным. Казаки наточили пики, шашки и приготовили коней, - вскоре лихо отрапортовал Петров и, не сдержавшись, предложил атаману: – Лукьян, наши деды ложным отступлением часто заманивали врагов в ловушку. Полагаю, что нужно воспользоваться этим приемом, чтобы разбить Булавина.

- Но в обороне легче стоять, - нервно возразил есаул.

- Зачем нам стоять в обороне, если мы имеем больше сил? – не разделил его мнение Петров. – Нет ничего худшего, как сидеть и ждать.

- Нам ни к чему лишние приемы, - разглядывая курительную трубку сощуренными глазами, с чувством собственного достоинства ответил Максимов. – Бог даст и так сомнем разбойников.

В середине октября войско Лукьяна Максимова перевязалось через плечо белым платком, чтобы чем-то отличаться от воровских казаков и вышло из Черкасска. Навстречу из Закатного городка выдвинулись мятежные отряды Булавина. После полудня оба войска встретились в двух верстах от реки Айдар.

- Казаки за мной! – взмахнув витой нагайкой, скомандовал Ефрем Петров, и черкасские казаки с воинственными криками развернулись густой лавой.

Поднимая пыльное облако, конский табун с мятежниками ринулся навстречу. На солнце в руках противников серебристыми бликами засверкали сабли и пики. Обе стороны с азартом схлестнулись в жестоком сражении. На поле шум то усиливался, то ослабевал и вскоре степь покрылась изрубленными телами. Особенно большой урон случился в войске Булавина.

Жестокий и кровопролитный бой продолжался полдня. Несколько раз голытьба бросалась на противника, но верные царю казаки принимали их в пики, и они вынуждены были с большими потерями отступать. Когда мятежники с повозками прижались к реке, Булавин приказал всем спешиться и занять оборону в выстроенном в круг обозе. Атаман понял, что оказался в безвыходном положении: Максимов взял его в кольцо, чтобы добить.

Прислушавшись к стрельбе, Кондрат взволнованно поднялся на высокий пригорок и увидел, что степь затянуло густой пеленой дыма. Сквозь сетку мелкого дождя огонь медленно двигался в их сторону. Осунувшееся лицо Кондрата приняло выражение отчаяния, а в груди бешено забилось сердце.

- Пошлите казаков во все стороны, чтобы узнать обстановку, - распорядился Булавин, но не успели разведчики отойти от лагеря, как тут же возвратились обратно.

- Что творится вокруг? – мрачно спросил атаман.

- Мы полностью окружены, - задыхаясь, ответил сотник.

Испытавший сильное волнение Булавин, впал в тяжелое раздумье. В его голове поднялось столько мыслей, что он не смог остановиться ни на одной. Но атаман остро понял, что произошло непоправимое. Неужели он просчитался и победы не видать? Однако изнуренный разум Кондрата не смог осознать весь размер беды.

Булавин озабоченно оглянулся вокруг: оставался единственный путь – отступить через реку. Голытьба в ожидании приказа замерла, но его не последовало. К вечеру мятежники отбили еще три атаки и на радость воронью степь покрылась новыми трупами.

- Расставьте посты так, чтобы Лукьян не смог застать нас врасплох, - незадолго до ночи наказал Булавин есаулам.

Поздним вечером холодный дождь усилился и, едва зажглись тусклые звезды, мятежники сгрудились вокруг огня, чтобы согреться травяным чаем. Изредка в темноте поблескивали в темноте выстрелы из оружия.

Наступившая ночь прекратила бой, но голытьба понимала, что с рассветом Максимов накинется на них с удвоенной силой, поэтому ими овладело ощущение безнадежности. Мятежники стали пугливо озираться по сторонам, потому что не осталось возможности уйти незамеченными.

Дождь перестал, возвратились посланные в разведку казаки.

- Что там? – поднявшись с земли, спросил Булавин, разминая затекшие ноги.

- Лукьян расставил многочисленные посты. У нас не хватит сил, чтобы прорваться. Сделать это будет невозможно, - доложил сотник.

У Кондрата глаза сузились от невыносимого волнения. Он ужаснулся тому, что случилось, в его душе будто что-то надломилось. Атаман потерял надежду уцелеть в казачьем бунте и никак не мог побороть растерянность. Но горечь от поражения была столь велика, что страх пропал из его сознания.

Булавин оглядел суровые лица верных товарищей.

- Ступай! – мрачным голосом ответил Кондрат сотнику и столкнулся взглядом с глазами Беспалого. – Нам трудно будет тягаться с ними, поэтому попробуем прорваться ночью за реку, чтобы хоть кого-то спасти.

Нерешительно потоптавшись, Беспалый затаенно спросил:

- А с голытьбой, что будем делать?

Булавин посмотрел на него изучающим взглядом. В его взоре чувствовалось крайнее недовольство. Быстрые движения глаз Кондрата были пронизаны злой энергией. Причина его возбуждения лежала в вопросе жизни или смерти.

Атаман подумал, что разговор следовало как-то завершить.

- Придется оставить и в этом нет никакой подлости. Так нужно поступить, чтобы продолжить свое дело за правду. Пожертвовав ими, мы спасем от разгрома нашу надежду. Сейчас для нас важно сохранить кости, а мясо само нарастет, - туманно объяснил Булавин и, набожно перекрестившись, с неподвижным лицом прочитал молитву.

Ночью в черном небе растеклись багровые зарницы. Степь загорелась бледным светом, все поле затянуло дымом. По высохшему за лето ковылю заиграли блики пожара. Рядом от ярких выстрелов снова заблестело.

Кондрат с тревогой прислушался к тому, что происходило вокруг.

Но Беспалого мало успокоила простая мысль атамана. Он хотел что-то объяснить Булавину, но вступать в рассуждения ему не захотелось. Однако его поразило, что Кондрат не беспокоился о судьбе товарищей. Беспалый с незаметным укором посмотрел на атамана. Булавин еще ни разу так не говорил. Это было на него не похоже.

- Пускай будет так, - не в тон своим мыслям примирительно ответил Беспалый, оглянувшись на звуки выстрелов. – Но это решение может привести нас к неуспеху.

Беспалый был сильно удивлен происшедшей с атаманом переменой. Другие сподвижники предпочли промолчать и не решились вступить в открытый спор с Булавиным. Даже непримиримый Хохлач не стал предлагать другого решения.

- Запрягите коней и поставьте в кусты у реки, да не забудьте кинуть им пахучего сена, - почувствовав на себе упорный взгляд Беспалого, проговорил Кондрат. – И ночью идите осторожно, чтобы не перебить друг друга в темноте.

Как только над рекой отразились мерцающие звезды, Булавин с верными товарищами покинул лагерь. Часто оглядываясь на вспышки выстрелов, казаки пробрались к реке и Лука Хохлач по мелкому броду провел отряд к прибрежным камышам. Перебив пост, отряд тенью кинулся к лесу и шелестя ветвями, растворился в густой темени.

От усталости и дум казаки двигались молча, чтобы не создавать шума, за их спинами отдалялись выстрелы. Рядом, оглядываясь на своих хозяев, шагали верные кони. Но двигавшаяся за казаками тьма, не обещала безопасности, поэтому иногда атаман останавливался и чутко прислушивался. Однако до его ушей не долетало никаких звуков, кроме тихого храпа лошадей и бряцанья оружия. После этого Булавин жадно глядел в небо и снова шел вперед.

Уверенно ориентировавшийся Лука, не испытывал никаких неудобств от скрытного передвижения по пересеченной местности. По узкому проходу в лесу мятежники прорвались в степь и по бездорожью скрылись от Максимова. Крадучись и прислушиваясь, отряд скакал в обход станиц, чтобы наверняка улизнуть от черкасских казаков. В первой же глубокой лощине казаки остановились передохнуть.

Утром голытьба проснулась и, не обнаружив Булавина, подняла крик:

- Булавин сбежал, вон, как все повернулось!

- Видно пропадать нам здесь, отступилась от нас царица небесная!

- Пропадать так пропадать, – грубо оборвал вопли сотник, - чего раскричались как бабы?

На рассвете Лукьяну удалось сосредоточить против мятежников большие силы. Заняв удобную позицию, войско Максимова бросилось в атаку и тихое утро огласилось дикими криками. В ответ со стороны обоза захлопала разрозненная пальба и бой быстро разгорелся. Не отвечая на стрельбу, черкасские казаки, обнажив сабли, быстрой лавой кинулись на противника.

Одна часть голытьбы, жертвуя собой, бросилась в бой за справедливость, другая попыталась спастись бегством, через сомкнутые ряды врага. Но участь мятежников была предрешена: многие погибли, двести тридцать попали в плен и лишь немногим удалось спастись.

Обрадованный легкой победой Максимов, скорой рысью ринулся к голытьбе. Его лицо сияло такой радостью, как будто он шел на праздничный парад.

Бросив поводья на луку, Лукьян соскочил с коня и широким шагом подошел к пленникам. Толпа расступилась перед ним, как перед важным лицом. Взгляды голодных мятежников горели страхом.

- Не чини смерти! – рухнув на колени, заголосила голытьба.

Наказной атаман, не меняя выражения лица, брезгливо спросил:

- Где Булавин?

- Сбег, - дрожа от холода, ответил казак в мокром зипуне.

- Сбег? – изменившимся тоном переспросил Лукьян и свирепо вращая глазами, огрел его нагайкой. - А с вами мне, что делать разбойники? Вам не зазорно в изменниках государю быть?

- Их бес сбил с истинного пути, - отозвался за его спиной Ефрем, имея в виду Булавина.

Наказной атаман сделался таким сердитым, каким его никто не видел.

- За изменников ратуешь? – с осуждением в голосе вскрикнул Максимов и неодобрительно посмотрел на старшину неподвижными глазами. - Никто из них с повинной не вышел!

- Я для них лютый враг, атаман, – серьезно пояснил Петров. – Мне с ними детей не крестить.

Максимов с присущей ловкостью запрыгнул в седло и, несмотря на возражение старшин, распорядился десять казаков забрать с собой для публичной казни в Черкасске, десять отправить в Москву для следствия, а сто тридцать выпороть плетьми прямо на поле и отрезать носы.

- Выловим, выбьем всех: тогда смуте настанет конец, - с гримасой презрения объяснил свои действия наказной атаман и, нервно поправив шапку, как ни в чем не бывало перекинулся несколькими словами с есаулами.

Назначив 200 рублей за голову Булавина, Лукьян направился в Шульгинский городок, чтобы провести расследование, извлечь из волчьей ямы тела князей и схоронить 15 царских солдат. Покончив с похоронными мероприятиями в городке, Максимов распорядился отпра-

вить тела князей под караулом в Азов и сообщить в Белгород, чтобы жинку гада ползучего Булавина в острог посадили.

Разорив Шульгинский и Белогородский городки, наказной атаман в тяжелых раздумьях возвратился в Черкасск. За праздничным столом по случаю победы Лукьян не проронил ни единого слова.

Вскоре в Черкасск от Кулебяки прибыл гонец с сообщением, что Семен сжег дотла Сзатолуцкую и Мелоброцкую станицы и схватил всех вернувшихся казаков. После того как мятеж был подавлен, в Москву с зимовой станицей отправился Ефрем Петров, чтобы доложить царю, что с Булавиным все покончено и что Дон снова стал тихим.

Глава 8

Известие о том, что мятежное дело милостью Божией кончилось, обрадовало царя. От неожиданной радости у Петра даже заблестели глаза. Однако государя огорчила весть, что заводчик Булавин с малыми людьми сумел скрыться. Но государь был решительно настроен на то, чтобы навсегда покончить с восстанием на Дону. Петр был уверен, что Булавину не удастся уйти от его расправы. Рано или поздно он будет пойман.

Выразив Войску Донскому благодарность, Петр поручил правительству выдать черкасским казакам жалование 10 000 рублей за победу под Закатным городком. Калмыцкий тайша Батырь, поддержавший Лукьяна Максимова в походе против Булавина получил 200 рублей. Достались подарки и старшине Ефрему Петрову, принесшему в Москву благостное известие.

Пребывая в радости, царь призвал к себе Алексея Горчакова и под горение свечей в серебряных подсвечниках начал диктовать мысли, которые вставали в его голове. Не останавливаясь ни на минуту, Петр переворачивал прошлые воспоминания, а дьяк Горчаков едва успевал строчить пером. Увязнув в минувшем времени, Петр глубоко вздохнул и его мысли перенеслись в 1702 год.

Разложенная перед царем карта способствовала переносу мыслей к недалекому времени, как нельзя лучше. И хотя голова Петра была целиком занята ходом собственных мыслей, но он сосредоточенным взглядом рассматривал изрисованную бумагу. Воспоминания о прошлом были для царя нелегким испытанием…

В тот год русские войска под командованием Бориса Шереметева, сминая на пути мелкий кустарник, двинулись на Гуммельсгоф. Фейерверкеры подкрепили удар наступающих русских войск огнем из пушек. 18 июля армия Петра, имевшая всего лишь двукратное превосходство, наголову разбила в бою шведское войско Шлиппенбаха. События происходили так быстро и шумно, что шведы из семи тысяч потеряли в кровавом бою пять с половиной тысяч солдат.

Оставив догорающие костры хмурому дождю, Шлиппенбах увел остатки войска и доложил королю, что русские оправились от Нарвского разгрома и снова стали слишком дерзкими. После поражения шведов восточные части Лифляндии и Эстляндии защищать стало некому. Крепко держа рукой повод любимого коня, Шереметьев ринулся покорять земли Ливонии.

Осенью Петр направил усилия на то, чтобы овладеть Нотебургом и Ниеншанцем. Всю весну и лето в Новгород по царскому указу свозились артиллерия и припасы. На берег Невы по просекам, по логам, по топям и речушкам русские солдаты протащили 50 лодок, 12 мортир, 31 пушку и штурмовые лестницы. Из-за нехватки лошадей два гребных фрегата солдаты перенесли на руках.

После обильных дождей дороги разбухли от сырости, поэтому русские войска шли, растянувшись на десятки километров. Из-за бездорожья кони выбивались из сил. На отдыхе солдаты стелили около костров солому, чтобы немного отдохнуть, обсохнуть, но от дымного огня с трудом дышалось.

В конце сентября войска соединились на берегах Назии. В Ладоге собралось двенадцатитысячное войско под командованием Бориса Шереметьева. В непогожие дни русская армия сдвинулись с места и 25 сентября сосредоточилось на мысе недалеко от Нотебурга. Место для лагеря выбрали возле густого леса, рядом с рекой и сразу же начались подготовительные работы.

7 октября Петр приказал набрать охотников для штурма крепости. Через два дня каждому офицеру поставили задачу и роздали лодки с лестницами. Ночью 11 октября тишина нарушилась грохотом многих пушек. Воздух и ряды русских войск затянуло дымом и как только артиллерийские припасы иссякли, русское войско приступило к штурму крепости.

Когда у шведов в живых осталось не более 41 человека, Густав фон Шлиппенбах приказал ударить в барабан и над крепостью взметнулся белый флаг. В пропахший дымом воздух, взметнулись радостные крики. Победные голоса уставших солдат вызвали в душе царя бодрое чувство. Только Петр знал какой ценой досталась эта победа и что ему стоило упорство, терпение и железная сила воли.

- Бог милостив, ваше величество, - не совладав с собой, возликовал Шереметев и особым взором посмотрел на царя. - Разгрызли Орешек!

- Молодцы, постарались, не посрамили Русь-матушку! – не обращая внимания на звенящую боль в висках и сухость во рту, отозвался Петр.

Государь метнул в сторону орлиный взгляд и вдруг в глубине его глаз задрожали знакомые, злые искорки. Обративший внимание на нездоровый вид солдат Петр, стал их расспрашивать про житье-бытье и вдруг узнал, что солдаты не доедают и что плохи дела с одеждой и обувью. Это обстоятельство вызвало у государя крепкое неудовольствие.

– К утру изыскать все, что нужно солдатам, - сердито нахмурился царь.

Неожиданно в крепости захлопали ставни, затрещали крепкие двери и из окон полетел скарб. Началось разграбление зажиточных жителей, но царь под страхом смерти запретил бесчинства против населения крепости и потребовал, чтобы русские наравне со шведами прибрали улицы.

Вскоре на берегу реки загорелись яркие костры, и солдаты повесили на огонь большие котлы с водой и свежие куски мяса. По указанию царя солдаты прикатили большие бочки с горькой водкой. И пока готовилась пища, русские воины делились друг с другом впечатлениями.

В сражении за крепость Шереметев потерял около 600 человек убитыми и в два раза больше ранеными. Потери шведов оказались намного меньшими. После того как царь узнал о количестве потерь, его лицо утратило спокойное выражение. Чуть не рыча от горя, Петр приказал похоронить всех погибших в центре крепости: нижних чинов в общей могиле, офицеров раздельно.

Чтобы покинуть крепость, противник попросил на сборы три дня. Петр вначале согласился с их условием, но получив известие, что к крепости приближаются шведы, приказал Борису Петровичу занять крепость раньше оговоренного срока. Оставив в крепости 128 пушек, шведы покинули Нотебург с пулями во рту.

Государь не оставил без своего внимания ни одного участника штурма неприступной крепости. Многие солдаты и офицеры были награждены и удостоены его милостью, но изловленных дезертиров по указу Петра, тут же подвергли позору и казнили.

Переименовав крепость в Шлиссельбург, Петр I отправился в Москву, чтобы шумно отпраздновать победу над шведами. Русский царь прибыл в столицу на золоченной колеснице. У Мясницких ворот царское войско встретили именитые люди. Русские отмечали победу над шведами две недели. Гуляли на широкую ногу, да так, что Кремль сгорел дотла. Но все равно это было торжество, это была победа и их становилось больше. Почувствовав себя уверенней,

Петр продолжил забирать городки и крепости у шведов. К весне 1703 года в его руках оказались Ниеншанц, Ямы, Капорья и устье Невы.

Узнав, что Петр занял Неву, шведский король надменно произнес:

- Пусть русский царь трудится над закладкой новых городов. А мы оставим за собой честь забрать их себе. Сейчас же мне нужно наказать за измену веры моего двоюродного брата Августа, который напал на меня, наплевав на родственные связи. Я посажу на польский трон своего ставленника. И тем самым усилю свое влияние не только на море, но и на суше.

В 1703 году Карл XII, на время оставив Россию в покое, изгнал из Польши саксонские войска и продвинулся вглубь территории. Пренебрегая военной наукой, шведский король все еще полагал, что русские ему не помеха для достижения победы над врагами. Он, как и прежде считал, что все победы ему предначертаны свыше…

Взволнованный государь в раздумье подошел к окну. В его голове все еще громоздились воспоминания и их становилось все больше. Они текли бурно, ломая на пути все преграды. Обрывками мелькали дни, события и знакомые до боли лица. Думы одолели царя с такой силой, что он полностью отрешился от настоящей жизни. Охваченный воспоминаниями Петр подошел к иконе и истово помолился, все еще оставаясь в прошлом. Никаких других мыслей в его душе не было.

Петр был не в силах воздержаться от воспоминаний. Это была незабытая жизнь, которая постепенно оживала перед его глазами. Вспоминая сражения, русский царь ощущал необычайное волнение в груди. Так свежи были мысли и настолько они были сильными. Петр Алексеевич любил разбирать прошлые военные события. Такие воспоминания он всегда носил при себе. Но сейчас он желал, как можно скорее вернуться в современную жизнь.

Оборвав думы, государь вышел на свежий воздух и закурил трубку. От разрозненных мыслей о прошлом воля Петра стала тверже. Действительность мягко и медленно унесла прошедшую жизнь прочь. Почувствовав в себе силу, царь задумался, что еще сделать для победы над шведами. Обрадованный силе своих идей Петр понял, что уже никто не сможет вставить палку в колесо русской военной телеги.

В настоящее время государя беспокоили многочисленные известия о растущей угрозе со стороны Дона. Терпение царя кончилось, Петр I страшно разозлился на Булавина, который призывал к разбою и обещал всем хорошее жалование. Воровской атаман угонял казенных коней, захватывал пушки, ядра и порох. В его прелестных письмах уже не было слов встать за старую веру и казачью правду. В последнее время атаман открыто призывал пойти походом на Москву. К тому же волнения на Дону распространились на пять южнорусских уездов.

- Алексей! – вскрикнул царь. - Напиши указ гетману Ивану Степановичу Мазепе, чтобы он приказал кошевому Запорожской Сечи изловить вора Булавина и прислать с крепким караулом в Москву. И накажи гетману Мазепе, чтобы удержал от возмущения запорожских казаков. Но если кто-нибудь ко злу все же присоединится, то пусть применит к этим людям жесткие меры. Ступай и вертайся побыстрей!

Макаров вернулся с указом и целым ворохом бумаг.

- Готово ваше величество!

- Доставишь это письмо лично! – приказал государь и, взглянув на икону Казанской Божьей Матери пламенными глазами, распорядился отписать гетману Мазепе, чтобы он отправил в поход против Булавина и его воров полтавский полк Левенца и компанейский полк Кожуховского.

После того как тайный кабинет-секретарь Макаров удалился, утомленный воскресшими воспоминаниями государь опустился на колени и помолился так, как не молился никогда в жизни. При святом действе его взволованный взгляд выражал невыразимую мольбу к Божией Матери.

По указу Петра Мазепа в коротком бою разбил войско Булавина и побрал в плен многих казаков. После поражения Кондрат и примкнувшие к нему запорожцы ушли на реку Вороновку. Петр I милостиво похвалил гетмана за посылку ратных людей, и одарил своей милостью полковника Левенца, полковника Кожуховского и двадцать одного сотника.

Но волнения в верховых городках Дона продолжились. На их усмирение наказной атаман Максимов направил из Черкасска отряд, возглавленный старшинами Федоровым и Матвеевым. Сам же Лукьян с другими старшинами продолжил сыск беглых холопов, что вызвало гнев всего Дона. Особенно в жестоком деле преуспел Ефрем Петров.

Скоро по указу царя и приказу Лукьяна Максимова в Запорожскую сечь отправились Степан Мумыка и Панкрат Орленок с письмом, где было написано, что если вор Булавин появится в Сечи, то его следует задержать, заковать и уведомить Войско Донское о его поимке.

Глава 9

Потерпев поражение, Булавин с приближенными казаками добрался по бездорожью до Запорожья и остановился в трех больших зимовьях на реке Вороновка, находящихся чуть ниже Звонецкого порога. Устраивались надолго, потому что до весны о чем-то нечего было и думать.

Вокруг было безлюдно, но лес, река и поля были добры и уютны. В туманной дымке постоянно темнел грустный лес, а рядом из-под земли выбивался мелкий родник. Передохнув, казаки взялись за дело, несколько дней в лесу не смолкал стук топоров и визг пил. Озаботившиеся холодами казаки, начали рубить дрова и строить жилье.

Каждый день в запорожской пади под горой дымились костры. Над огнем жарились козьи туши, кипели котлы с ароматной водой, а на раскаленном куске железа пеклись аппетитные лепешки. В ожидании вкусной пищи, под деревьями дремала голытьба, рядом хрустели душистым сеном кони.

Вскоре дни, напоминавшие о надвигающийся зиме, стали короче и казаки, угрюмо наблюдавшие за снежными облаками, заскучали. В серой и однообразной жизни безделье давило, но незадолго до зимы в эти же места явилась уцелевшая голытьба и на реке воцарился шум. Уставший люд несколько дней отогревался в теплых зимовьях, чинил одежду и обувь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.